

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ЗАКАТ ОБЩЕСТВА КОНКУРЕНЦИИ И КОЛЛАБОРАТИВНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Материалы заседания
21 января 2023 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Полтерович Виктор Меерович

академик, главный научный сотрудник,
руководитель научного направления «Математическая
экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора
Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова,
действительный член Эконометрического общества,
почетный президент Новой экономической ассоциации

Аузан Александр Александрович

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой
«Прикладная институциональная экономика»,
декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Миркин Яков Моисеевич

д.э.н., профессор

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество

Материалы заседания 21 января 2023 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2023

УДК 338.242.2:[339.137+334.7](063)

ББК 65.050.11я432+65.290.21я431

3-18

Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество: материалы заседания 21 января 2023 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуныяна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. — 128 с. ISBN 978-5-6050015-0-8.

В предлагаемом читателю сборнике публикуются: доклад академика РАН В.М. Полтеровича, содоклады д. э. н., профессора А.А. Аузана и д. э. н., профессора Я.М. Миркина о конкуренции и коллаборации и их дальнейшее обсуждение.

Вряд ли у кого-то вызывает сомнения, что конкуренция является важнейшим источником развития не только экономики, общества, политики. Но стоит ли рассматривать коллаборацию как некое противопоставление конкуренции?

Читатель найдёт в сборнике любопытные факты о том, как эволюционировала конкуренция на Западе и почему сегодня её механизмы исчерпывают себя как основа организации современного общества, а относительный успех в борьбе с кризисом государства и политических институтов обеспечивается коллаборативными преимуществами – более развитыми механизмами сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах.

Что касается России, то, несмотря на разность суждений и мнений, среди основных выводов докладчиков и выступающих доминирует один — в стране необходимо одновременно развивать конкуренцию и формировать механизмы сотрудничества.

УДК 338.242.2:[339.137+334.7](063)

ББК 65.050.11я432+65.290.21я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6050015-0-8

© Тосуныян Г.А., составление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	10
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад. ТОСУНЯН Г.А.</i>	14
ДОКЛАД 1 <i>акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	18
<i>проф. МИРКИН Я.М. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	42
<i>проф. ТЕДЕЕВ А.А. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	45
<i>проф. АУЗАН А.А. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	47
<i>проф. КУИМОВ В.В. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	50
<i>д. э. н. КРИВОВ В.Д. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	52
<i>проф. КЕРИМОВ А.Д. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	53
<i>акад. АГАНБЕГЯН А.Г. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	55
МАМОНТОВ А.Н. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	58
ДОКЛАД 2 <i>д. э. н., проф. АУЗАН А.А.</i>	60
<i>акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	70
<i>к. э. н. СТОЛЯРОВ А.И. – проф. АУЗАН А.А.</i>	72
ДОКЛАД 3 <i>д. э. н., проф. МИРКИН Я.М.</i>	74
<i>акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	86
<i>к. т. н. САТАРОВ Г.А.</i>	88
<i>д. б. н., д. ф. н., проф. ЧЕРНИГОВСКАЯ Т.В.</i>	93
МАМОНТОВ А.Н.	98
<i>чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.</i>	99
<i>акад. АВETИCЯН А.И.</i>	101
<i>к. э. н. КЛЕПАЧ А.Н.</i>	104

<i>к. э. н.</i> МАРДАНОВ Р.Х.	107
<i>акад.</i> АГАНБЕГЯН А.Г.	109
<i>акад.</i> ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	111
<i>д. э. н., проф.</i> МИРКИН Я.М.	114
<i>акад.</i> ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	116
<i>акад.</i> ГУСЕЙНОВ А.А.	119
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	122

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ
ОБЩЕСТВА (НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководитель Института философии РАН

КОКОЦИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспективных исследований национальной безопасности России Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, науч-
ный руководитель Вологодского
научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель
сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный
научный сотрудник Института фило-
софии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, зав. лабора-
торией социальной и экономической
психологии Института психологии
РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руко-
водитель Института океанологии им.
П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабо-
раторией психологии общения фа-
культета психологии МГУ им. М.В.
Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

иностраннный член РАН, д. социол.
н., член президиума Национальной
академии наук Республики Армения

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Институ-
та государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководи-
тель Центра правовых исследований
цифровых технологий Государ-
ственного академического универси-
тета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя
правления Евразийского банка раз-
вития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор
Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского инсти-
тута НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государ-
ственного аудита Высшей школы
государственного аудита (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего
Центра публично-правовых исследо-
ваний Института законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государ-
ственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник Инсти-
тута социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабо-
раторией нервных и нейроэндокрин-
ных регуляций Института биологи-
ческого развития им. Н.К. Кольцова
РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Институ-
та психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШЦЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ»
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живём? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели проходят рабочие завтраки представителей Ассоциации российских банков (АРБ), в которых прини-

мали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый рабочий завтрак проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на рабочих завтраках, и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных учёных.

Характерной особенностью этих рабочих завтраков было и остаётся то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учреждён Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение **траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!**

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и рабочие завтраки?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и рабочие завтраки можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на рабочих завтраках, и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 79 рабочих завтраков у Госуняна, большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объём материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведёт проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом.

Спикерами «Открытых дискуссий...» выступают известные учёные, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнёрами проекта являются **более 80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой дискуссии дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории «Открытой дискуссии...» в среднем составляет **около 2 тыс. человек**.

Последние два года проводится одна «Открытая дискуссия...» в месяц.

За 10 лет состоялось 72 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии...».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Доброе утро. Можно начинать.

Начнём наш рабочий завтрак, первый в этом году, проводим в режиме ZOOM.

Надеюсь, через 2 недели очно проведём в смешанном режиме наше совместное заседание Научно-консультативного совета ООН РАН и Института Доверия, Достоинства и Права.

На заседание зарегистрировалось около 150 человек, 80 уже присутствует. В том числе 15 членов академии.

Мы сегодня пригласили также и профессоров академии, так что мы расширяем состав участников и приглашаемых.

На повестке дня очень интересная тема, она заявлена академиком Полтеровичем Виктором Мееровичем как «Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество».

Думаю, что с определённым провокационным смыслом предложено такое противопоставление в названии.

Прежде чем предоставить слово докладчикам, представлю их и позволю себе небольшой комментарий, если не возражаете.

Основной докладчик – академик Полтерович Виктор Меерович.

Виктор Меерович не только доктор экономических наук, профессор, академик, но и кандидат физико-математических наук, что симпатично мне особенно. Главный научный сотрудник, руководитель научного направления математической экономики ЦЭМИ, зам. директора Московской школы экономики МГУ, действительный член Эконометрического общества, почётный президент Новой экономической ассоциации.

К основному докладчику пожелали присоединиться в качестве выступающих:

– Аузан Александр Александрович, доктор экономических наук, профессор, человек более чем известный, зав. кафедрой «Прикладная институциональная экономика», он же декан экономического факультета МГУ,

– и Яков Моисеевич Миркин, тоже очень известный человек, профессор, доктор экономических наук.

Почему я увидел элемент провокации в названии доклада?

Потому что не думаю, что Виктор Меерович предполагает, что конкуренция и коллаборация – это противоположные или взаимоисключающие понятия.

Мы на разных площадках так или иначе обсуждали тему конкуренции неоднократно.

То, что конкуренция является важнейшим источником развития не только экономики, общества, политики, вряд ли у кого-то вызывает сомнения.

В этом контексте мы, надеюсь, затронем разные формы и виды конкуренции.

Потому что серьёзного анализа требует наш очень противоречивый опыт последних лет.

В начале 90-х годов мы заявили, что у нас рыночная экономика, что она будет основана на принципах конкуренции, и стали бороться за то, чтобы это конкуренция была бы публичной, легальной, добросовестной.

Стали говорить о том, что должны очень жёстко бороться с недобросовестной конкуренцией.

Когда речь идёт о коллаборации, полагаю, что её не следует рассматривать как некое противопоставление конкуренции.

Это не альтернатива конкуренции, это некая важнейшая составляющая для цивилизованного развития общества.

Она, коллаборация, является дополнительным элементом, обеспечивающим развитие в условиях добросовестной конкуренции.

Я полагаю, что мы на этом тоже сконцентрируем своё внимание, потому что если следовать заголовку, то получается, что общество конкуренции заканчивается, теперь должно прийти на смену общество коллаборации.

Я думаю, что здесь в сочетании как раз может быть поиск наиболее эффективного развития общества.

Будучи также представителем Ассоциации российских банков (АРБ), смею утверждать, что фактически АРБ – это институт, который построен на коллаборационном принципе, на том, чтобы конкурентов по рынку объединять, выявлять их общие интересы, способствовать движению вперёд, несмотря на те противоречия, которые всегда присутствуют в любом сообществе, в любом обществе, в любом сегменте рынка.

Наряду с этим АРБ считает важнейшей своей задачей бороться за добросовестную конкуренцию на финансовом рынке. А это сегодня непростая задача.

Прошедшее десятилетие показало, что конкуренция у нас принимала не самые лучшие формы.

Но прошедший год в определённой степени показал, что, когда возникают проблемы, потребность объединения участников рынка начинает играть более значимую роль для каждого банка: для крупного, мелкого, среднего.

Банки, которые себя ранее чувствовали на рынке монополистами и считали, что им «море по колено», в этих сложных условиях более склонны к пониманию того, что нужно объединять усилия, а не противопоставлять себя рынку, уповая на свою эксклюзивность.

По крайней мере, я надеюсь, что такие изменения хоть отчасти имеют место?!..

Должен отметить, что за текущий год впервые за 10 лет с лишним доля ведущих топ-15 банков перестала

увеличиваться и даже незначительно снизилась с 86 до 84 с небольшим процентов.

Это по данным Эксперта РА¹.

В основном за счёт роста доли от 16-го до 100-го банка. В этом смысле динамика такая более нормальная, чем в предыдущие 10 лет.

Мы даже вопросам конкуренции посвящали специальный съезд Ассоциации.

Мы эти вопросы ставили не только в теоретической проекции, но и в практической плоскости, потому что практика в какой-то степени остаётся «критерием истины».

Надеюсь, что сегодняшнее обсуждение будет проходить и на примере нашей системы.

В банковской системе пока такая ситуация: 60% рынка по платежам, по переводам, по кредитованию, по эквайрингу и многим другим сегментам нашей отрасли принадлежит 5 крупнейшим банкам.

Это, кстати, в ряде случаев способствует картельному сговору между этими банками.

Думаю, нужно отличать картельный сговор от коллаборации.

Поэтому считаю, что конкуренция не может, не должна исчезнуть в принципе, время конкуренции не может закончиться, иначе просто остановится развитие.

Это моя субъективная точка зрения, может быть, я и ошибаюсь.

Давайте перейдём к докладам.

Виктор Меерович, Вам слово.

¹ Эксперт РА – крупнейшее кредитное рейтинговое агентство, аккредитованное Банком России.

ДОКЛАД 1

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад., главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почётный президент Новой экономической ассоциации

Для меня большое удовольствие выступать на «Рабочем завтраке» у Гарегина Ашотовича. Поскольку он начал с критики моего ещё непрочитанного доклада, я должен сразу сказать, что конкуренция и коллаборация на уровне чистой теории это очень разные механизмы.

Иногда возникает вопрос о точных определениях, дать общие и точные определения не очень просто. Я рассмотрю крайние случаи конкуренции и сотрудничества.

Конкуренция – это такое взаимодействие, при котором каждый участник хотел бы, чтобы его партнёры ушли из системы взаимодействия, прекратили вообще свою деятельность.

А сотрудничество – такое взаимодействие, при котором участие каждого партнёра для других партнёров является благоприятным. Уже из этих определений, абстрактных, не претендующих на то, что охватывают все случаи, видно, что конкуренция и коллаборация в чистом виде противоречат друг другу.

Другое дело, что в реальности, по крайней мере в нынешней реальности, конкуренция и сотрудничество в чистом виде действительно не реализуются в значительных масштабах, всюду присутствует некоторая их комбинация.

Второе замечание: всякий институт, в том числе институт конкуренции, проходит определённые этапы своего развития; он зарождается, потом определённым образом

развивается и так или иначе исчезает или очень существенно деформируется.

Этот процесс мы рассмотрим для наиболее передовых стран Запада, не относя его непосредственно к России.

Какие выводы можно сделать для России, наблюдая эволюцию конкуренции на Западе, я расскажу в самом конце моего доклада, если будет время.

Гражданская культура западных обществ быстро и радикально меняется, всё большую роль играет так называемая философия постмодернизма, которая содержит много разных направлений. По рекомендациям этой философии в настоящее время трансформируются социальные механизмы во многих странах Запада.

Одно из важнейших направлений постмодернизма – так называемая критическая расовая теория (*critical race theory*).

Вот что пишут её основатели: «Критическая расовая теория ставит под сомнение сами основы либерального порядка, включая теорию равенства... рационализм эпохи Просвещения».

А вот мнение представителя другой ветви постмодернизма, так называемой постколониальной теории. Этот представитель – ни много ни мало профессор университета в Новой Зеландии.

Она пишет: «Термин “исследование” неразрывно связан с европейским империализмом и колониализмом. Само слово “исследование”, вероятно, одно из грязнейших слов в лексиконе коренного мира».

Под давлением сторонников постмодернизма, а сейчас имеется довольно много активистских групп – сторонников этой философии, в США и ряде стран Запада изменяются программы обучения в школах и университетах.

А при найме на работу учителей, профессоров и государственных чиновников предпочтение отдаётся «мень-

шинствам» – женщинам, чернокожим, гомосексуалистам, трансгендерам – даже в случаях их более низкой квалификации по сравнению с другими кандидатами.

По существу, философия постмодернизма отрицает технический, и прежде всего социальный, прогресс, уравнивая культуры, которые находятся, казалось бы, на совершенно разных стадиях развития.

И отрицает приоритет науки над другими формами знания, утверждая, что опыт каждого человека или опыт отдельной группы имеет не меньшее, а на самом деле большее значение, чем научные методы, чем научный подход.

Вот эта тенденция – подобный отбор сотрудников – начинает проявляться в крупных компаниях; конечно, это не может не вести к деградации.

То, о чём я сказал, лишь один из признаков кризиса западных обществ, далее я отмечу и другие признаки. На мой взгляд, происходящие масштабные изменения можно охарактеризовать как закат общества конкуренции.

Я попытался обосновать этот тезис в целом ряде статей, одновременно старался продемонстрировать возможность выхода из кризиса путём частичного замещения механизмов конкуренции механизмами сотрудничества в экономической и политической сферах.

Не думаю, что конкуренция должна быть полностью замещена, в этом смысле Гарегин Ашотович прав; сегодня я постараюсь эти аргументы воспроизвести в сжатой форме и, если останется время, остановлюсь на потенциальной роли механизмов сотрудничества в развитии сегодняшней России.

Кратко рассмотрим, как эволюционировал механизм экономической конкуренции. Хорошо известно, что в средневековых системах гильдий (цехов) действовали правила, направленные на предотвращение конкуренции.

В частности, запрещалась реклама, порицалась политика привлечения покупателей путём снижения цен, сами цены устанавливались цехами.

Отклонение от этих правил рассматривалось как нарушение цеховой этики. Вообще говоря, в условиях малости рынков в таких ограничениях действительно был смысл, потому что для малых рынков чрезвычайно вероятна монополизация, и это крайне нежелательное последствие конкуренции.

Надо отметить ещё одну важную черту рассматриваемой ситуации. Конкуренция нужна прежде всего для стимулирования технического и институционального прогресса, но сама идея прогресса в Средние века отсутствовала, более того, изменения считались опасными.

Интересный факт: латинский глагол *reformo* в политическом контексте означал «возвращать в прежнее состояние». Это неслучайно: в обществах к социальным новшествам относились с подозрением просто потому, что они очень часто приводили к отрицательным последствиям.

Основания для изменений искали в обычаях предков. А современный смысл слова «реформа» – преобразование с целью улучшения – приобретал доминирующее значение очень и очень постепенно.

Сама идея технического прогресса, как подтверждают многие историки, возникла после изобретения огнестрельного оружия где-то в XIV веке, когда началась беспрецедентная гонка вооружений, как пишет А. Gabor.

Дело в том, что для того, чтобы выигрывать войны, а войны тогда были в Европе обычной формой взаимодействия между странами, нужно было использовать более совершенное вооружение.

Монархи, которые раньше ограничивались созданием инфраструктуры, строительством ирригационных сооружений, стали обращать внимание на возможность ускоре-

ния технического прогресса в этом конкретном направлении – совершенствовании вооружений.

Но при этом надо было уже заботиться и о производстве стали, пороха и вообще обратить внимание на промышленность. Так постепенно, правда, очень медленно идея технического прогресса становилась центральной в политике европейских государств. В результате развивалась новая культура.

Если проследить, что происходило с этой идеей в периоды Возрождения, научной революции, просвещения, промышленной революции, видно, насколько трудно она внедрялась.

Так или иначе, роль гильдий снижалась, правда, в разных странах разными темпами. Во Франции гильдии были распущены законом только в 1791 году.

Одновременно возникли возможности создания больших рынков, потому что транспортные средства были усовершенствованы, по мере становления идей технического прогресса и снижения роли гильдий рынок расширялся, становился всё более и более конкурентным.

Но как только конкурентный рынок сформировался, немедленно дали о себе знать его принципиальные недостатки.

Прежде всего, речь идёт о массовых банкротствах предприятий. Второй важный фактор – это монополизация рынков, сговоры между предприятиями.

Надо сказать, что вначале законы о банкротстве были чрезвычайно жёсткими. До середины XIX века в Европе и в США предусматривались тюремные заключения, в XVIII веке даже казнили банкротов, не различали при этом намеренное банкротство (мошенническое) или банкротство, вызванное непредвиденными обстоятельствами.

Ситуация постепенно стала меняться по мере эволюции институтов и массовой культуры, я уже не буду прослеживать эту историю в деталях.

Современное законодательство в части банкротства исходит из баланса интересов всех участников. Конечно, на первом месте стоит защита общественных интересов, речь идёт о возможности сохранения временно неплатёжеспособных компаний, а значит, рабочих мест и вложенных инвестиций.

Борьба с последствиями конкуренции, естественно, ведёт к увеличению роли механизмов сотрудничества.

Примерно ту же самую эволюцию прошли и антимонопольные законы, они также были вначале очень жёсткими; в США предусматривался штраф за сговоры или даже тюремное заключение до трёх лет.

Но постепенно по мере развития наказания смягчались, было понятно, что сговоры довольно часто ведут вовсе не к ухудшению ситуации для потребителя, а на самом деле преследуют целью сотрудничество крупных предприятий для того, чтобы разрабатывать новые технологии, обмениваться знаниями.

Сейчас антимонопольное законодательство исходит именно из этих посылок, из этих постулатов. Как правило, дела по сговору возбуждаются, если находится истец, предъявляющий какие-то претензии.

Нужно сказать, что процесс смягчения конкуренции, который фактически привёл к увеличению роли сотрудничества, шёл в значительной степени параллельно с развитием соответствующей идеологии.

Я здесь хочу обратить особое внимание на такую разновидность социализма, как фабианство, формально возникшее в 1884 году.

В числе его основателей был Бернард Шоу, среди членов фабианского общества были Герберт Уэллс, Сид-

ней Вебб, Джон Мейнард Кейнс, Бертран Рассел и многие другие известные исследователи и философы.

Смягчение конкуренции, на самом деле – формирование сотрудничества внутри конкурентных механизмов, шло по целому ряду направлений, прежде всего, конечно, речь идёт о формировании государства всеобщего благосостояния.

Его объявленная задача состояла в том, чтобы обеспечить не только самым бедным, но и всем членам общества достаточный уровень общественных благ, таких как здравоохранение, образование, страхование и так далее.

Отдельные элементы государства всеобщего благосостояния возникли ещё в конце XIX века, а массовое создание этой формы управления наблюдалось уже после Второй мировой войны.

Ещё один механизм смягчения конкуренции – так называемая монополистическая конкуренция; она является наиболее распространённой формой экономического взаимодействия в Европе.

Монополистическая конкуренция предполагает, что конкуренты выпускают не совсем одинаковые товары. Предназначены товары для одних и тех же целей, но имеются разные марки, обладающие теми или иными особенностями.

Это означает, что у каждого из конкурентов есть потребители, которые предпочитают именно его марку. Они, с одной стороны, конкурируют друг с другом, с другой стороны, ориентированы на разных потребителей, поэтому такая конкуренция – мягкая.

Частно-государственное партнёрство ещё одна форма смягчения конкуренции.

В 1996 году появилось понятие «соопетитион», то есть сочетание кооперации и конкуренции. Два автора, которые ввели это понятие, обратили внимание на то, что всё чаще

наблюдается сотрудничество конкурирующих фирм, которые в результате взаимодействия обмениваются знаниями и получают возможность создавать новые технологии.

Конечно же, нужно упомянуть институты гражданского общества, такие как бизнес-ассоциации, профессиональные ассоциации, профсоюзы, потребительские союзы, которым государство передаёт свои функции регулирования и контроля, тем самым снижая значимость механизмов власти.

Речь должна идти и об элементах новой морали, в частности о понятии «социальная ответственность бизнеса». Всё это способствовало смягчению конкуренции, внедрению в механизмы конкуренции элементов сотрудничества.

Несмотря на все это, идеология свободного рынка продолжала доминировать в США, Великобритании и ряде других стран. Издержки конкуренции: высокое неравенство, банкротства, монополизм, безработица – давали себя знать; оказалось, что с кризисами справиться не удаётся, это продемонстрировал кризис 2007–2009 годов.

Очень важный фактор – рост неравенства. Казалось, государство всеобщего благосостояния было нацелено на то, чтобы снизить неравенство, и оно добилось на каком-то этапе этого результата.

Тем не менее за последние 20 лет неравенство растёт практически во всех западных странах, хотя и разными темпами. В США оно достаточно высокое, там индекс Джини порядка 0,41, в Европе он существенно ниже, но при этом тоже наблюдается тенденция к росту.

Всё сильнее проявляются сущностные пороки экономической конкуренции: она отрицательно влияет на мораль, на человеческие качества и, как следствие, на эффективность управления.

В основе современной теоретической экономики до сих пор лежит понятие совершенной конкуренции, формализованное в рамках модели Эрроу – Дебрё – Маккензи, важным выводом которой является так называемая Парето – оптимальность конкурентного равновесия.

Соответствующее утверждение называют теоремой всеобщего благосостояния. При этом конкурентное равновесие не требует никакой координации между агентами, достаточно только знания рыночных цен, поэтому конкуренты друг с другом не общаются.

На самом деле это крайне идеализированная модель, она не ухватывает очень важные черты реальности.

Во-первых, равновесие совершенной конкуренции допускает сколь угодно высокое неравенство, во-вторых, оно не учитывает издержки, которые имеют место при достижении конкурентного равновесия, о которых я отчасти сказал.

В действительности ценовая война, схватка за рынок отнюдь не редкая ситуация даже для небольших фирм, тем более для крупных производителей.

При этом нет оснований предполагать, что, стремясь победить соперника, конкуренты следуют золотому правилу нравственности: «Не делай другим того, чего не хотел бы для себя».

В одной из работ, посвящённых конкуренции в Венгрии, автор приводит результаты опроса, согласно которому только 4% венгров могут представить себе дружеские конструктивные отношения между соперниками.

В действительности этот факт – конфликт между участием в конкуренции и нравственными устоями – подчёркивал, как это ни странно, основатель либеральной школы Фрэнк Найт.

Он писал: «Конкурентная система далеко не соответствует нашим высшим идеалам».

По его мнению, рынок – неблагородная игра, поскольку он не предусматривает гандикапов для слабых.

Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц о кризисе 2007–2009 годов высказался так: «Как и в периоды многих предшествующих банковских кризисов, каждый эпизод нынешнего кризиса характеризуется отсутствием угрызений совести».

В одной из работ я пытался показать, что рыночная конкуренция, как и война, формирует определённый тип участников, существенно влияет на человеческие качества.

Благородство и угрызения совести в каком-то смысле мешают победе над конкурентами.

Материальные и моральные издержки экономической конкуренции в нынешних ситуациях в наиболее развитых системах уже препятствуют дальнейшему развитию общества.

Рассмотрим конкуренцию в политике. Здесь многое можно сказать, я остановлюсь на центральной проблеме, которая широко освещается литературе и называется проблемой «грязных рук».

Автор этого термина Майкл Уолцер отталкивался от тезиса Макиавелли, согласно которому политик должен «учиться быть плохим», поскольку принятие многих политических решений, казалось бы, во имя общего блага связано с нарушением моральных норм.

В обширной литературе, посвящённой обсуждению этой проблемы, авторы вынуждены признать, что демократия, как и любая другая форма правления, сталкивается с проблемой «грязных рук».

Цитирую: «Политики в условиях демократии, будь то действующие самостоятельно или в качестве членов комитетов или законодательного органа, неизбежно запачкают свои руки из лучших побуждений» (De Wijze, 2018).

Если это так, то привлекательность карьеры в сфере политики должна снизиться, не все готовы идти на нарушение моральных норм.

Это действительно так.

Недавний опрос граждан США показывает, что 90% опрошенных не хотели бы, чтобы их дети стали политиками.

Кстати, здесь есть динамика: в 1995 году такой ответ дали около 70% респондентов. Понятно, что при такой ситуации у нас возникает отбор тех людей, которые идут в сферу политики.

В результате этого отбора инструментом конкуренции оказывается диффамация – распространение сведений, порочащих политического оппонента.

Экономические и социальные программы политиков уже не играют такой существенной роли, выигрывающая стратегия предвыборных кампаний базируется на невыполнимых обещаниях и диффамации в отношении конкурентов.

Таким образом, низкие моральные качества оказываются едва ли не типичными характеристиками успешных игроков.

Каждый из нас может восстановить перечень фамилий ведущих политиков, которые оказались осуждёнными или обвинёнными в тех или иных преступлениях.

Политика выглядит грязным делом, отталкивает избирателей, это приводит к резкому снижению уровня участия в выборах во многих западных странах.

В такой ситуации естественно предположить, что действующих политиков обыгрывают те, кто менее стеснён моральными ограничениями.

Значит, возникает встроенный механизм отрицательного отбора политических лидеров, вследствие которого победа в политическом соревновании оказывается всё сла-

бее связанной с управленческими способностями победителя. Понятно, что этот механизм ведёт к кризису.

Итак, что мы имеем? Конкурентные механизмы возникли на заре нового времени вместе с идеей общественного прогресса и сыграли колоссальную роль в повышении благосостояния, развитии гражданской культуры и вовлечении в политическую жизнь не только высших сословий, но и всего общества.

Однако в последние десятилетия в наиболее развитых странах всё сильнее сказываются органические пороки механизмов конкуренции, несмотря на стремление общества и государства ограничить её.

Рост неравенства, многочисленные протестные движения, падение доверия к политическим институтам, низкое качество лидеров, раскол общества – об этом свидетельствуют наблюдения и целый ряд институциональных показателей, например показатели доверия граждан к правительствам.

В результате мы имеем то, о чем пишут нобелевские лауреаты А. Банерджи и Э. Дюфло; их книга «Экономическая наука в тяжёлые времена» на английском языке вышла в 2019 году, на русском языке – в 2021 году.

Цитата: «Общественная дискуссия между левыми и правыми превращается во всё более и более громкую ругань. 61% демократов считает республиканцев расистами, сектантами и фанатиками, треть всех американцев расстроится, если член их семьи вступит в брак с представителем другой партии». «Существует чёткое ощущение, что цивилизация, основанная на демократии и дискуссиях, находится под угрозой. Нам грозят тяжёлые времена».

Ясно, что механизм сотрудничества, если оно состоялось, это механизм более эффективный, чем конкуренция.

Здесь, мне кажется, не нужно приводить дополнительные аргументы. Уже то, что в конкуренции каждый

действует сам за себя, не используя знания других, приводит к дублированию усилий конкурирующими агентами и, как следствие, к очень высоким издержкам конкурентного механизма, не говоря уже о недостатках, которые я упоминал ранее.

Почему же именно конкуренция заняла доминирующее место в современных развитых обществах, а не сотрудничество?

Здесь есть два фактора: эффект «безбилетника», так называемая проблема фрирайдера, и трудности координации и отыскания компромиссов.

Я напомним, в чём состоит проблема фрирайдера. Если мы организовали механизм сотрудничества, результаты этого взаимодействия распределяются по некоторому правилу, непосредственно не связанному с усилиями индивида.

Поскольку это сотрудничество, никто друг за другом не следит, и если человек эгоистичен и не прикладывает слишком больших усилий, то всё равно он получит то, что ему полагается. Но если так рассуждают все, то никакого сотрудничества не получается.

В действительности эти препятствия для развития механизмов сотрудничества ослабляются по мере развития общества.

В чём это проявляется?

Прежде всего, технологическое развитие, совершенствование систем связи, информационных технологий уменьшает издержки координации, возникают новые формы сотрудничества, такие как социальные сети, интернет-сети, происходит рост человеческого капитала, который, в частности, включает в себя обучение сотрудничеству, обучение умению достигать компромисса.

Развивается гражданская культура. Это утверждение может показаться в нынешней ситуации странным, но речь идёт о долгосрочной тенденции.

Целый ряд исследований утверждает, что происходит укрепление норм честности, рост обобщённого доверия в западных странах, распространение толерантности и альтруизма, космополитизма, увеличение планового горизонта; всё это смягчает эффект «безбилетника».

Институциональное развитие, о котором я говорил, смягчение законов о банкротстве, эволюция антимонопольного законодательства, создание государства всеобщего благосостояния, формирование таких институтов достижения компромиссов, как, например, парламентские комитеты, становление гражданского общества, – всё это, казалось бы, движет нас в направлении формирования механизмов сотрудничества и сужения поля конкурентных взаимодействий.

Но борьба с кризисными явлениями, в процессе которой происходит постепенное замещение механизмов конкуренции и власти механизмом сотрудничества в экономической и политической сферах, не приводит к немедленному успеху.

Эта трансформация является результатом взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния; трансформация происходит весьма медленно, оказываясь неспособной предотвратить кризисные явления.

Но есть страны, которые успешнее других справляются с кризисом.

Я провёл некоторые исследования, которые показали, что в этом процессе борьбы с неблагоприятными последствиями кризиса выделяются семь европейских стран: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды.

Первая тройка – это Скандинавские страны, добавляя ещё две, получаем пятёрку нордических стран. Есть обширная литература о «нордических преимуществах».

Оказывается, что в современной ситуации к ним надо ещё присоединить Швейцарию и Нидерланды. Вот эти семь стран я называю Семёркой европейских лидеров.

Эти страны в меньшей степени затронуты кризисом, предпринимают решительные меры по его преодолению и в определённом смысле являются примером для других стран Запада несмотря на то, что некоторые из них – это относительно малые страны, и все они отнюдь не самые крупные.

Некоторые авторы говорят о «нордизации» европейских стран, имея в виду сближение их социально-экономических и политических механизмов с механизмами нордических государств.

На противоположном полюсе в этом отношении находятся США – страна, которая ещё недавно демонстрировала, казалось бы, незыблемые преимущества институтов конкуренции, испытывает кризис в явно тяжёлой форме, постепенно теряя экономическое и институциональное лидерство.

Обосновывая, что в действительности нет так называемого коллективного Запада в достаточно общем смысле, а есть, скорее, два Запада, я действую следующим образом.

Во-первых, смотрю на индекс счастья (Happiness index), о нём уже шла речь здесь на одном из заседаний. Не буду подробно рассказывать, как этот индекс формируется.

Он отражает отношение людей к своему состоянию, насколько они чувствуют или не чувствуют себя счастливыми; при этом 150 стран участвуют в опросах.

Если брать данные 2018–2020 годов, то первые места занимает та самая Семёрка европейских лидеров, а США занимают всего лишь 17-е место.

Чем вызвано лидирующее положение этих стран при ранжировании по уровню счастья?

Чтобы ответить на этот вопрос, я прежде всего рассматриваю ранги развитых стран по 10 показателям, таким как индекс человеческого развития, продолжительность здоровой жизни, индекс неравенства, показатель обобщённого доверия, индекс восприятия коррупции, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, эффективность правительства и другие.

Всего сейчас считаются развитыми 40 стран, но для четырёх индекс счастья не определялся. Я рассматриваю ранжирование 36 развитых стран по всем десяти показателям.

Из них я составляю синтетический, интегральный индекс ЖКИ – индекс качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов.

А затем, используя ЖКИ, по простейшему алгоритму разбиваю на кластеры 36 развитых стран. Оказывается, что страны Семёрки занимают первые места по ЖКИ и образуют самостоятельный кластер. США по интегральному индексу находятся на 23-м месте и попадают в кластер третьего уровня.

Можно проследить (я это делаю в одной из статей), что отставание США по институциональным индексам, например по индексам доверия, увеличивается за последние годы.

Не беру самые последние события, расчёты проводились до 24 февраля 2022 года. По тем же показателям, по которым США находятся относительно впереди (среди 36 стран США занимают 3-е место по уровню душевого ВВП

по паритету покупательной способности), европейские страны постепенно догоняют США.

Возникает вопрос: какие качественные особенности экономического и политического механизмов обеспечивают лидерство? Чтобы ответить на него, я обращаюсь к трём известным классификациям западных систем.

Первая классификация – либеральные рыночные экономики и скоординированные рыночные экономики.

Вторая – капитализм акционеров и капитализм стейкхолдеров.

Третья – мажоритарные и консенсусные демократии.

В соответствии с каждой из этих классификаций возникает два кластера, две группы стран. Не буду подробно объяснять, на чём основаны эти классификации; если возникнут вопросы, готов на них ответить.

Остановлюсь на наименее известной из них – капитализм акционеров и капитализм стейкхолдеров. В чём разница?

Там, где господствует капитализм акционеров, фирмы максимизируют прибыль для того, чтобы увеличить благосостояние акционеров.

В других странах действуют иные нормы поведения: фирма заботится не только об акционерах, но и обо всех участниках процесса, с которыми так или иначе она связана.

Прежде всего, это, конечно, сотрудники самой фирмы; кроме того, это фирмы-поставщики, фирмы-потребители, ещё целый ряд участников.

При распределении прибыли и более общо – при выработке стратегии развития в системе, где действует капитализм стейкхолдеров, фирма заботится в той или иной мере обо всех агентах, с которыми она взаимодействует.

Есть соответствующие индексы, которые позволяют разделить страны, отнести их к тому или иному типу капитализма.

Оказывается, что во всех трёх случаях Семёрка и США принадлежат к разным группам стран. Легко понять, что различие в каждом случае состоит в уровне значимости механизмов сотрудничества.

Там, где рыночная экономика скоординирована, где действует капитализм стейкхолдеров и функционирует консенсусная демократия, там уровень сотрудничества высокий.

Отсюда следует вывод, что страны Семёрки впереди благодаря коллаборативному преимуществу: более развитым механизмам сотрудничества в экономической и социальной, политической сферах.

Кстати, эти страны борются с кризисом, проводя реформы на основе так называемого коллаборативного управления.

Они оказались лидерами вследствие особенностей их исторического развития, но я уже упоминал, что исследователи не случайно использовали термин «нордизация». Семёрка оказывает влияние и на другие государства Европы, это влияние тоже можно проследить.

Итак, страна А обладает коллаборативным преимуществом перед страной В, если в А более развиты механизмы сотрудничества в экономической, социальной и политических сферах.

Использованные нами классификации демонстрируют, что страны Семёрки обладают коллаборативным преимуществом.

Несколько слов относительно классификации Аренда Лейпхарта – о мажоритарной и консенсусной демократии. Главное: мажоритарная система характеризуется доминированием двух партий в парламенте, формированием од-

нопартийных правительств, превосходством исполнительной власти над законодательной, всеобщей конкуренцией групп интересов.

В консенсусной демократии обычно действует тот или иной вариант пропорционального представительства, парламент включает представителей многих партий, имеет место баланс исполнительной и законодательной власти, действует так называемая корпоративистская система отношений между группами интересов, нацеленная на отыскание компромисса и согласование действий.

А. Лейпхарт писал: «Мажоритарная модель демократии является дискриминирующей, конкурентной и конфронтационной, в то время как для консенсусной модели характерны отсутствие дискриминации, переговоры и поиск компромисса».

Подчеркну, что благодаря скоординированности экономики и консенсусной демократии страны Семёрки в меньшей степени затронуты кризисом.

В частности, в Дании, Исландии, Швеции сохраняется высокий уровень участия в выборах – 85–90%, незначительно снижение в Норвегии и Финляндии; Швейцария является в некотором смысле исключением, там всего 45% участвовало при выборах в Национальный Совет в 2019 году.

Это, скорее, не европейский, а американский уровень. Но в Швейцарии все важнейшие решения принимаются на основе референдумов, а в них принимает участие довольно большое количество избирателей. Кстати, Швейцария занимает первое место по уровню доверия к правительству среди 43 стран (из них 29 – европейские).

Несколько слов о совершенствовании российских институтов управления. России предстоит ещё развивать конкурентные механизмы, но при этом следует учитывать тенденции, наблюдаемые на Западе.

Это означает, что целесообразно постепенно расширять участие граждан в принятии государственных решений, повышать роль экспертных советов, включая их непосредственно в системы управления и обеспечивая независимость экспертов.

Необходимо стремиться конструировать обсуждаемые альтернативы так, чтобы добиваться консенсусных решений.

Или, более общо: необходимо внедрять институты догоняющего развития. Это понятие я ввёл в 2016 году, но фактически оно было подготовлено ещё работами 2009–2010 годов.

К институтам догоняющего развития относятся корпоративистская система управления, индикативное планирование, генеральное агентство развития и ряд других институтов.

На чём основано понятие «институты догоняющего развития»?

Оказывается, что практически все страны экономического чуда и нынешние быстроразвивающиеся страны, такие как Китай или Индия, – все они используют один и тот же набор институтов, конечно, в разных вариантах.

Всюду есть индикативное планирование, всюду есть генеральное агентство развития.

Что такое генеральное агентство развития? Это надстройка над министерствами.

Многие исследователи говорят, что до тех пор, пока существуют отдельно Министерство финансов и Министерство экономики, которым поручены, в том числе, перспективные задачи, быстрого экономического роста добиться нельзя.

Потому что эти министерства бесконечно конкурируют друг с другом. Министерство экономики заинтересо-

вано в быстром росте, а Министерство финансов добивается сбалансированности бюджета.

И эти задачи нередко противоречат друг другу, поскольку Минфин заинтересован в сбалансированности бюджета с большим гарантированным запасом.

Исследования показывают, что нужно убрать из задач этих министерств перспективные направления и для их решения сформировать Генеральное агентство развития. В редких случаях его роль играет выделенное министерство. Как правило, это надстройка над всеми министерствами.

Генеральное агентство развития занимается практически всеми перспективными задачами – не только индикативным планированием непосредственно, но и задачами технологического развития, промышленной политики, международной торговли и т. п.

Оно тесно взаимодействует с министерствами, но оставляет для них лишь задачи краткосрочной политики. Это очень важный момент.

Хочу подчеркнуть, что институты догоняющего развития, прежде всего индикативное планирование, нацелены на сотрудничество между самыми разными агентами в стране.

Об этом писал Пьер Массе, который руководил реализацией третьего и четвёртого индикативных планов во Франции. Вот цитата из его статьи в «Эконометрике» 1965 года:

«План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил, гражданских служащих, менеджмента, профсоюзов и работников.

Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создаёт ощущение единства, способствующего выполнению плана». Я бы хотел этот тезис особенно подчеркнуть.

Индикативное планирование использовали все страны экономического чуда, очень разные по культуре, по уровню благосостояния, например послевоенная Франция, послевоенная Япония и Ирландия 1995–2007 годов. Кстати, в Ирландии индикативное планирование сохраняется до сих пор.

Используют его и сегодня такие быстроразвивающиеся страны, как Китай, Индия, Малайзия, Саудовская Аравия.

А кроме того, и противостоящий санкциям Иран, который никак нельзя отнести к странам экономического чуда; развивается он медленно, но санкции выдерживает, и, думаю, в значительной степени как раз благодаря институтам догоняющего развития.

Эти закономерности следует учитывать и России. Кстати, такой замечательный факт, касающийся современной Франции.

Когда наступила пандемия, Эммануэль Макрон принял постановление о создании Генерального комиссариата по планированию. Это тот самый институт, который существовал во Франции после войны, он формировал индикативные планы.

При этом верховному комиссару по планированию вменяется в обязанность то, что вменялось в обязанность подобным комиссарам и во времена быстрого развития. Иными словами, на чрезвычайную ситуацию Франция отреагировала восстановлением института индикативного планирования.

Вообще, борьба с кризисами всегда требовала вмешательства государства, эффективная политика при высокой неопределённости невозможна без планирования на государственном уровне.

Но я хотел бы предупредить, что движение должно быть не к централизованному планированию, которое до-

казало свою неэффективность, а к планированию индикативному, предполагающему сотрудничество между разными агентами.

Сейчас на Западе развивается такое направление, как коллаборативное отраслевое планирование. Фирмы объединяются друг с другом и с государственными органами, чтобы создавать и отбирать те или иные проекты. Очень важна идея консорциумов.

В России она внедрена распоряжением правительства для электронной промышленности. И то, что написано в этом постановлении, нацеливает предприятия на тесное сотрудничество друг с другом. Результат пока неясен, но консорциумы создаются. Надо было бы принять соответствующее решение и для других отраслей.

Консорциумы в прикладных исследованиях тоже очень перспективный институт.

Чрезвычайно важным инструментом, который на Западе широко развивается, является так называемая коллаборативная научная платформа, которая даёт возможность объединяться представителям разных областей науки, обеспечивает их необходимой информацией и соответствующими программными средствами.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что нынешний кризис государства всеобщего благосостояния и политических институтов на Западе показывает, что механизмы конкуренции исчерпывают себя как основа организации современного общества. Относительный успех в борьбе с кризисом, который мы наблюдаем в некоторых странах, обеспечивается коллаборативными преимуществами – более развитыми механизмами сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах.

Не стоит говорить о едином Западе. На самом деле механизмы на Западе очень сильно различаются. Между

Семёркой европейских лидеров и Соединёнными Штатами различия грандиозны.

Страны Семёрки существенно опередили США и лидируют по уровню социально-экономического развития. Они указывают путь становления нового общества, где механизмы сотрудничества играют более значимую роль. Есть целый ряд аспектов, где США ещё сохраняют своё лидерство. Но и в этих направлениях их преимущества сокращаются.

А России следует одновременно развивать конкуренцию и формировать механизмы сотрудничества, такие как общественные советы при госорганах, ассоциации бизнеса, индикативное планирование, консорциумы, коллаборативные исследовательские платформы.

Более детальная аргументация приведена в статьях, на слайде приведён их список. Большое спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Виктор Меерович, за такой обстоятельный многогранный доклад, действительно, побуждающий к серьёзному обсуждению.

Ещё раз подчёркиваю, что в своём вступительном слове для обострения дискуссии я всего-навсего высказал некоторые сомнения в противопоставлении конкуренции и сотрудничества. Но Вы не стали их противопоставлять и сняли большую часть моих сомнений, хотя и не полностью.

Мне, конечно, сразу хочется вступить с Вами в дискуссию, но я предоставляю возможность выступить другим.

Яков Моисеевич, Вы хотите задать вопрос?

Пожалуйста.

проф. МИРКИН Я.М. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор

Миркин Я.М.: Виктор Меерович, добрый день. Благодарю Вас за обстоятельный, очень интересный и острый доклад.

У меня два вопроса.

Первый вопрос. Согласны ли Вы с тем, что и конкуренция, и сотрудничество в равной степени нужны человеку?

Не спорите ли Вы с человеческой природой, когда предлагаете тезис о тотальном обвале значения конкуренции?

Второй вопрос. Не считаете ли Вы, что соотношение между конкуренцией и коллаборацией – это циклический процесс?

Когда становится слишком много конкуренции, возникает тренд к разрушению общества.

И тогда неизбежно увеличивается значение коллаборации?

И наоборот, когда слишком много коллаборации, общества начинают загнивать, становятся медленными, «жирными» и перестают конкурировать. Исчезают источники динамики.

Полтерович В.М.: Спасибо за вопрос.

Я не считаю, что конкуренция – атрибут человеческой природы.

Я думаю, здесь вопрос об определённых механизмах. Не о том, что человеку хочется быть известным, хорошим и так далее. А вопрос о механизмах.

Все механизмы имеют свою историю.

И я старался показать, что конкуренция в экономике возникла как доминирующий механизм совсем не сразу. Она прошла определённую историю. И как любой объект, любое явление, она имеет своё начало и свой закат.

В настоящее время в наиболее развитых странах мы как раз имеем дело с закатом конкурентных механизмов. Это не означает, что они должны исчезнуть совсем. Но роль их должна быть существенно уменьшена.

Кстати говоря, о природе.

Известно, например, что Кропоткин возражал против теории Дарвина о том, что именно межвидовая конкуренция является основой биологического развития. И приводил многочисленные аргументы в пользу того, что в основе, скорее, лежит сотрудничество.

Я внимательно изучал соответствующую литературу. На самом деле, есть основания утверждать, что сотрудничество по сравнению с конкуренцией совсем не в меньшей степени, а, может быть, и в большей степени принадлежит природе человека.

Насчёт циклического процесса.

Нет, я с этим тоже не согласен. Конечно, мелкие циклы наблюдаются. Очевидно, что процесс не может быть монотонным. Время от времени действительно происходит увеличение значимости то одного механизма, то другого.

Мой доклад как раз продемонстрировал, что роль механизмов конкуренции уменьшается, а роль механизмов сотрудничества увеличивается.

Такая тенденция реально существует в наиболее развитых странах.

Есть вопрос в чате: коллаборация и сотрудничество – одно и то же?

Да. Это одно и то же. Я различаю collaboration и cooperation. Кооперация – не совсем то, что я имею в виду, когда говорю о сотрудничестве. Если потребуется объяснение, я могу это раскрыть. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Кстати, в чате есть интересный вопрос коллеги Коняевского: что такое конкуренция в условиях коррупции?

Коняевский В.А.: Коллаборация в условиях коррупции?

Саватюгин А.Л.: Коррупция – это как раз одна из форм коллаборации.

Полтерович В.М.: Это очень важный вопрос.

Дело в том, что, когда я говорю о сотрудничестве, я имею в виду так называемое позитивное сотрудничество.

Сотрудничество, не направленное против третьих лиц. Эта оговорка очень важна.

проф. ТЕДЕЕВ А.А. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

ТЕДЕЕВ А.А.

д. ю. н., к. э. н., профессор, профессор Высшей школы
государственного аудита (факультет) МГУ
им. М.В. Ломоносова

Тедеев А.А.: Виктор Меерович, огромное спасибо за прекрасный доклад.

Вопрос очень короткий и, может быть, частный.

Относительно социально-экономической модели, реализуемой странами Семёрки североевропейских стран. Существует позиция, согласно которой эти социально-экономические, безусловно, заслуживающие уважения результаты получены за счёт достаточно специфической финансово-бюджетной модели функционирования государственных финансов, связанных с определённым механизмом перераспределения, где роль расходов на социальную сферу очень велика, а расходы на военно-оборонительную сферу минимальны.

Но это достигается в том числе за счёт того, что эти государства отстранились от мировых страстей. Это и позволило им существенно снизить свои бюджетные траты на обеспечение «роли себя на глобусе».

Поэтому многие эксперты в китайских, американских научных работах говорят в том числе о том, что такая модель развития, например, для их стран неприменима.

Эту «шапку» не примерить большим государствам, чья роль, социально-экономическое развитие, геополитические амбиции во многом построены на обеспечении своего места в мировой истории как одной из великих держав. Насколько Вы согласны или не согласны с этой позицией?

Полтерович В.М.: Я думаю, что это односторонняя позиция.

На самом деле, эти страны выделяют в своём бюджете определённую долю на помощь слаборазвитым странам.

При этом проблема помощи слаборазвитым странам широко обсуждается.

Делится она на помощь благоориентированную, нацеленную именно на поддержку других, и эгоистическую помощь, оказываемую потому, что это по тем или иным причинам выгодно донору.

Так вот, страны Семёрки отличаются тем, что они нацелены на благоориентированную помощь.

Эти страны на самом деле движутся по пути, цель которого я определяю термином «мир всеобщего благосостояния». Очень важно, чтобы и большие страны включились в это движение.

Кстати говоря, такие страны, как Германия и Австрия, до последних событий по всем показателям, о которых я говорил, были близки к Семёрке.

Тедеев А.А.: Пусть снижают военные бюджеты или минимизируют. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Это уже полемика, давайте пока вопросы. Александр Александрович, пожалуйста, вопрос.

проф. АУЗАН А.А. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

АУЗАН А.А.

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой «Прикладная институциональная экономика», декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Аузан А.А.: Спасибо, Гарегин Ашотович. Виктор Меерович, два вопроса.

Один специальный, а второй, я думаю, представляющий общие интересы.

Специальный вопрос: как соотносятся понятия институтов догоняющего развития, которые, на Ваш взгляд, почти единообразные для разных стран?

И введённые Вами в 2000 году понятия промежуточных институтов, которые учитывают политическую и культурную специфику страны.

Это два разных класса?

Полтерович В.М.: Понятие промежуточных институтов более общее.

Конечно, институты догоняющего развития относятся к числу промежуточных институтов.

Потому что, когда страна выходит на уровень развитых стран, она уже в этих институтах не нуждается.

Действительно, индикативное планирование трансформируется в развитых странах в программное бюджетирование.

То есть здесь это частный случай промежуточных институтов.

Аузан А.А.: Да, но они универсальные, в отличие от промежуточных институтов, которые специфические.

Полтерович В.М.: Они универсальны на этапе догоняющего развития. То есть они всё-таки специфические институты.

Аузан А.А.: Теперь второй вопрос.

Если говорить о переносе институтов Семёрки в Россию.

Вы считаете, что мы имеем дело с культурно однородной очень специфической группой?

И по истории, и по метрикам, скажем, с низкой дистанцией власти, с низким избеганием неопределённости, которые сильно отличаются действительно от больших стран.

И по многим параметрам отличаются от России.

Насколько реалистична подвигка, импорт такого рода институтов в Россию?

Спасибо.

Полтерович В.М.: Спасибо за вопрос, Александр Александрович.

Я подчёркиваю, что этот процесс имеет определённые стадии.

На определённых стадиях конкурентные институты играют доминирующую роль.

И это ведёт к техническому и социальному прогрессу.

В какой-то момент они начинают исчерпывать себя.

В этом смысле Россия, на мой взгляд, не вышла на последнюю стадию. Ей ещё нужно развивать конкурентные институты.

Что касается того, что это очень специфическая группа стран, у меня есть подробное обсуждение возражений против того, что нордические страны могут являться образцом для остальных.

Это и малость территорий, и низкая численность населения.

Эти аргументы не выдерживают критики.

А явление нордизации, о котором я упоминал, оно, на самом деле, вполне применимо и к более крупным странам.

К примеру, Германия, совсем не маленькая страна среди европейских, по многим показателям и в соответствии с упоминавшимися в докладе классификациями близка к Семёрке.

В Германии и особенно в Австрии, несмотря на различия в истории, многие особенности социально-политических и экономических механизмов, видимо, заимствованы у нордических стран.

Я думаю, что эта возможность заимствования вполне распространяется и на крупные страны.

Повторяю, Россия находится на другой стадии.

Ей ещё надо развивать конкурентные механизмы. Но в этом развитии надо учитывать опыт наиболее передовых стран.

проф. КУИМОВ В.В. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

КУИМОВ В.В.

д. э. н., профессор, профессор кафедры торгового дела
и маркетинга Сибирского федерального университета

Куимов В.В.: Прежде всего, хочу поблагодарить за удивительно интересный доклад.

Мой вопрос.

По всему миру нарастает то, что называется «бизнес экосистемные цифровые платформенные архитектуры». Взаимодействие не только в экономике, но и в социальной сфере, через социальные сети.

В культуре Востока это называется скоординированный смарт-бизнес, где, действительно, есть и взаимодействие, и сохраняется некоторая часть конкуренции с точки зрения качества подачи материалов, и особенно своевременного качественного и очень срочного обслуживания.

Это некоторое формирование доверия, взаимодействия между участниками.

Вы называете это стейкхолдерами, я тоже.

Но в большой экосистеме уже тысячи, а то и миллионы стейкхолдеров-участников.

Идёт ли этот процесс в том технологическом новом формате, который сейчас проявляется?

И нужно ли что-то изменять в политической системе, чтобы приблизиться к этому?

Спасибо.

Полтерович В.М.: Спасибо большое за вопрос.

Конечно, наличие Интернета, соответствующих электронных платформ даёт возможность для развития институтов сотрудничества, снимая многие проблемы, которые препятствовали этому развитию.

Но это не происходит автоматически. На самом деле, эти средства могут быть использованы для формирования институтов непозитивного сотрудничества, то есть сотрудничества, направленного против третьих лиц. И мы это тоже наблюдаем.

Поэтому нельзя сказать, что само по себе развитие электронных средств ведёт к каким-то позитивным изменениям в тех аспектах, которые мы сегодня обсуждаем.

Безусловно, важность гражданской культуры здесь чрезвычайна.

В условиях высокой гражданской культуры, высокого уровня доверия между людьми электронные платформы продвигают нас в направлении развития институтов сотрудничества.

А в условиях, когда этого нет, в частности в целом ряде восточных обществ, они могут вести к негативным последствиям.

Тосунян Г.А.: Спасибо. У кого ещё есть вопросы?

д. э. н. КРИВОВ В.Д. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

КРИВОВ В.Д.

д. э. н., заведующий кафедрой социологии и менеджмента общественных процессов Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова

Кривов В.Д.: Во-первых, суперзамечательный доклад. Спасибо огромное.

Вопрос по терминологии.

До конца 80-х годов прошлого века был известен такой термин – «коллорабационист». Так называли граждан других стран, которые сотрудничали с нацистской Германией. И некоторые из стран Семёрки тоже были замечены в обеспечении сотрудничества нацистской экономики с экономистами других стран.

Это имеет отношение к теме Вашего доклада или нет?

Полтерович В.М.: Никакого. Я понимаю, что здесь могут быть такие неблагоприятные ассоциации. Но, тем не менее, я вкладываю в термин «коллорабация» совершенно иной смысл.

Тосунян Г.А.: Там преступное сотрудничество, здесь сотрудничество во благо...

Полтерович В.М.: Да, да.

проф. КЕРИМОВ А.Д. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

КЕРИМОВ А.Д.

д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник, заместитель научного руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН

Керимов А.Д.: Виктор Меерович, огромное спасибо за очень интересный доклад.

Вы в начале Вашего доклада говорили о прогрессе.

То, что прогресс в области технико-технологической и в области естествознания существует, это очевидно.

А есть ли прогресс в сфере нравственности?

Известно, что на этот счёт имеются различные точки зрения как среди философов, так и среди представителей иных отраслей научного знания.

И второй вопрос. Есть ли достаточные и однозначные основания для вывода о том, что, скажем, частная форма собственности всегда конкурентоспособнее и эффективнее, чем государственная?

Спасибо.

Полтерович В.М.: На первый вопрос.

Есть целый ряд статей, в которых рассматриваются достаточно длительные периоды, в 30–50 лет.

Исследователи утверждают, что уровень порядочности, честности растёт.

Речь идёт о западных наиболее передовых странах.

И то же самое относится к уровню доверия людей друг к другу, к толерантности.

Здесь тенденция в целом положительная, хотя не обходится без колебаний.

В периоды конфликтов уровень толерантности немедленно снижается.

Разумеется, для позитивного сотрудничества обстановка резко ухудшается.

Но, если проследить тенденции за достаточно длительные периоды, всё-таки уровень нравственности растёт.

Теперь относительно того, всегда ли частная собственность лучше государственной.

По этому поводу есть колоссальное число исследований.

Я тоже много этим занимался.

К примеру, один из вопросов: приватизация привела к увеличению эффективности или нет?

В Советском Союзе и во многих других бывших социалистических странах к частной собственности было резко негативное отношение.

Классификация собственности была такая: частная собственность находится на нижнем уровне, государственная – на высшем, а коллективная – между ними.

Очевидно, что там, где культура и институты были не подготовлены, приватизация привела к ухудшению ситуации.

А в странах Восточной Европы, где культура и экономические институты были более подготовлены для формирования рынка, приватизация дала положительный эффект.

Отсюда следует, что однозначно ответить на Ваш вопрос нельзя.

Но в России, на мой взгляд, мы не должны опускаться на уровень, предполагающий засилье государства.

Излишняя централизация даже в нынешних условиях может очень серьёзно навредить.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Абел Гезевич, пожалуйста.

акад. АГАНБЕГЯН А.Г. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

АГАНБЕГЯН А.Г.

акад. РАН

Аганбегян А.Г.: Выдающийся, безусловно, очень глубокий доклад.

Наверное, лучший, который я когда-либо слышал.

Первое, я хотел спросить про Японию, где неравенство самое низкое, самый низкий коэффициент Джини, 10% бедных, богатых – 4,5%.

Индикативное планирование очень радует в Японии. Ваше отношение к Японии, куда Вы её относите?

И второй вопрос, о роли государства.

Вы знаете различие Кейнса и Флеминга.

Не кажется ли Вам, что в этих семи выдающихся странах слишком велика роль государства?

И хотел обратить Ваше внимание, что по инновациям все эти Скандинавские страны отнюдь не лидируют.

Они находятся, я бы даже сказал, в конце списка развитых стран, сильно уступая Китаю, Южной Корее, не говоря уже про Японию, Германию и, конечно, США.

Если Вы возьмёте статистику, Вы увидите, что в расчёте на душу населения эти страны не являются производителями этих инноваций.

Всё-таки в экономике, в техническом и экономическом прогрессе инновации это имеет значение огромное. Спасибо.

Полтерович В.М.: Спасибо, Абел Гезевич, и за высокую оценку доклада, и за интересные вопросы.

В Японии действительно низкий уровень неравенства².

Но, если мы возьмём доверие к правительству, обобщённое доверие, другие институциональные показатели, которые я принимал во внимание, подушевой ВВП по паритету покупательной способности, индекс счастья – Япония от этих стран отстаёт.

Она находится в третьем кластере, несмотря на невысокий уровень неравенства.

Теперь что касается роли государства.

Правильнее даже сказать не роли государства, а роли власти. Роль властных механизмов в этих государствах, она отнюдь не выше, чем в других.

Конечно, Вы можете сказать, что здесь уровень налогов чрезвычайно высокий, гораздо больший относительный объём бюджетных средств перераспределяется.

Но принятие решений происходит, на самом деле, по алгоритмам, где власть сама по себе не играет доминирующей роли.

Алгоритмы устроены так, что принятие решений распределено между разными партиями, между разными группами интересов.

Более того, в рамках тех реформ, которые эти страны проводят, на самом деле, прямо ставится задача перехода к коллаборативному управлению, управлению, где государство играет скорее роль координатора, а не роль властного управляющего.

Это государство инициирует взаимодействия между разными группами интересов, разными организациями.

Что касается инноваций.

² Неравенство (индекс Джини) в Японии выше, чем в странах Семёрки (прим. В.М. Полтеровича).

Я бы не сказал, что страны Семёрки находятся в последних рядах, они не находятся в первых. Соединённые Штаты по-прежнему держат первенство в части инноваций, бесспорно.

Но, если мы посмотрим на динамику, на уровень человеческого капитала, количество патентов на душу населения, выясняется, что разрыв сокращается.

Аганбегян А.Г.: Китай по патентам на первом месте, Вы знаете.

Полтерович В.М.: Да, первое место у Китая.

Если мы возьмём в динамике, то разница между Штатами и европейскими «преследователями», прежде всего, и Китаем уменьшается со временем.

Но Китай находится по ВВП на душу населения на совсем другом уровне, чем Европа, резко отстаёт от неё.

Европейские страны сближаются с Америкой.

Кстати, ранжирование университетов показывает, что здесь тоже разница между американскими и европейскими университетами уменьшается.

То есть Соединённые Штаты пока в этом отношении сохраняют лидерство.

Но различие между ними и другими европейскими странами уменьшается. Тенденция именно такова.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллега Мамонтов сейчас задаст вопрос. И завершаем с вопросами.

МАМОНТОВ А.Н. – *акад.* ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

МАМОНТОВ А.Н.

президент Московской международной
валютной ассоциации

Мамонтов А.Н.: В Советском Союзе акценты делались не на конкуренции, которая считалась почти ругательным словом, а на «социалистическом соревновании», но все акценты делались именно на сотрудничестве.

Я хотел уточнить: правильно ли я понял, что избегание конкуренции в Советском Союзе, не подготовленном к тому, чтобы акценты делать на сотрудничестве де-факто, а не на словах, и погубило экономику и страну? Так ли это?

Полтерович В.М.: С этим утверждением в целом я абсолютно согласен.

Если бы, скажем, после войны, когда масса людей увидела, насколько Запад опережает Россию, мы начали реформы, например, по китайскому образцу, то, конечно, мы бы сейчас были бы на совсем другом уровне. То есть Ваше утверждение мне кажется абсолютно верным.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вопрос от Талии Ярулловны Хабриевой: «Закат эпохи конкуренции на Западе – сигнал для нас к пересмотру парадигмы развития соответствующего законодательства. Так или не так?»

Полтерович В.М.: Честно говоря, я не продумывал достаточно детально этот вопрос.

В какой мере закат эпохи конкуренции на Западе диктует пересмотр российского законодательства?

Не исключаю, что в существенной, у меня однозначного ответа нет.

Но я хочу всё-таки подчеркнуть: закат эпохи конкуренции на Западе не означает, что мы не должны развивать конкурентные институты внутри страны.

Тосунян Г.А.: Понятно. Спасибо.

Сейчас выступят наши коллеги Аузан и Миркин. А потом, естественно, будет дискуссия с вопросами и комментариями.

Александр Александрович, Вам слово.

ДОКЛАД 2

АУЗАН А.А.

д. э. н., профессор

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Я имел удовольствие заранее внимательно изучить чрезвычайно интересный и глубокий доклад Виктора Мееровича.

Попробую уложить свои мысли в несколько тезисов.

Мы видим, что Виктор Меерович не ограничивается чисто экономическими суждениями, фактически это такой метауровень.

Философское исследование, которое касается и закономерностей истории, и особенностей культуры, и многого другого.

Поэтому первый вопрос, на который я хотел бы отреагировать, это вопрос, возникший в самом начале, когда Гарегин Ашотович выступил в защиту конкуренции.

Коллеги, мне кажется, что и коллаборация, и сотрудничество, и соперничество лежат на фундаментальных базовых уровнях. Причём я сошлюсь здесь не на дискуссию Кропоткина и Дарвина.

Всё-таки с тех пор прошло довольно много времени. А на результат революционной биологии. На известную книгу «Эгоистичный ген», которая говорит о том, что мы все – результат конкуренции генов, и все – продукты гена-победителя, который ищет возможности расширяться.

Так называемый закон Гамильтона гласит, что мы готовы отдать жизнь ради двух своих родных братьев, четы-

рѣх двоюродных, восьмерых четвероюродных, именно в смысле сохранения и продвижения этого самого гена.

Думаю, что эта биологическая основа сохраняется так же, как и так называемая социальная альтернатива. Потому что люди, в отличие от других существ, в отличие от приматов, они, безусловно, оказались способны к созданию довольно широких коллективов. И это тоже лежит на базовом уровне.

Поэтому мне представляется, что обе характеристики, оба полюса, они неуничтожимы без уничтожения человека.

Я рассчитываю, что этого не произойдёт. Но они принимают разные форматы, потому что была ли конкуренция в той цеховой и феодальной системе, которую описывает Виктор Меерович? Да, только она была силовой.

Она не была экономической конкуренцией.

Экономическая конкуренция по производительности, по привлекательности и спросу была запрещена. Но при этом происходили схватки за рынок соседнего города путём, скажем, силовых воздействий или, наоборот, защита от конкурентов путём возведения административных барьеров.

То есть соперничество работало, но это была силовая конкуренция.

Поэтому переход к экономической конкуренции был несомненным прогрессом.

Я думаю, что и в том обществе коллаборации, о котором говорит Виктор Меерович как о перспективе, конкуренция обретает просто какой-то иной формат.

Но всё-таки я бы говорил, что конкуренция и коллаборация... Не вижу, кстати, Виктор Меерович, отличий от кооперации.

Напоминаю, что в классической институциональной теории институциональное соглашение есть соглашение о конкуренции и кооперации.

Та же самая соопetition, которую Вы упоминаете в докладе... Всё-таки вот тут конкуренция, а тут кооперация.

Вот тут инфраструктурное сотрудничество, как в Ассоциации российских банков, а здесь банки, безусловно, врозь.

Это как вода и масло. Они вместе, но они не перемешиваются.

Поэтому первое суждение, что и то и другое лежит на базовых фундаментальных уровнях, но в исторической динамике получает всё время разные проявления с разной результативностью.

И переход от силового соперничества к экономическому, конечно, дал не только явления технического прогресса, но дал и колоссальное сокращение негативных последствий издержек силового противостояния.

Тезис номер два мне кажется достаточно важным и расширяющим лично моё понимание происходящего, суждение о семи странах.

Точнее, о том, что эти семь стран образуют кластер по трём вариантам классификации капитализма. Это суждение достаточно обобщённое, типологическое.

Дело в том, что я имел честь больше года назад выступать здесь с докладом про доверие как альтернативный источник роста и развития.

Хочу напомнить, что центральный тезис, иллюстрирующий значение этого вопроса, был связан с исследованием, которое показало, что если бы уровень доверия в Швеции, 63% положительных ответов на вопрос «Можно ли доверять большинству?», был такой

же в других странах, то Англия имела бы на 5% выше валовой продукт на душу населения, Германия – на 7%, Чехия – на 40%, а Россия – на 69%.

Тогда, естественно, для меня уже возник вопрос: а в чём же национальная особенность Швеции, которая действительно, как Абел Гезевич сказал, по ряду показателей отстаёт от англосаксонских экономических лидеров? В том числе по некоторым институциональным индексам.

И у меня тогда возникло предположение, которое, мне кажется, Ваш доклад продвигает и обосновывает многосторонне, что, когда мы говорим о качестве институтов, мы должны видеть разные качества.

20 лет назад мы просто говорили о совершенствовании институтов.

Потом поняли, что институты бывают экстраактивные и инклюзивные, что они принципиально разного качества.

И что когда вы совершенствуете экстраактивный институт, который идеально выдавливает ренту даже из камня, то вы не улучшаете экономическое положение, вы просто даёте больший рентный доход тем, кто стоит во главе этой институциональной системы.

Таким же образом, видимо, нужно вводить другое новое базовое разграничение институтов.

Я тоже пришёл к предположению, что шведские институты заточены больше на кооперацию, а англосаксонские принципиально заточены на конкуренцию.

Это не означает, что в Швеции отсутствует конкуренция. Но, разумеется, родовая специфика институтов здесь возникает.

И я горячо приветствую Ваш вывод о том, что это есть следствие длинного эволюционного процесса. И речь

идёт не только о Швеции, а речь идёт о кластере, который выделяется по ряду параметров.

Тезис номер три.

Мне кажется очень сильной стороной доклада логика эволюции институтов. Более того, тезис, который Виктор Меерович сформулировал, выступая, жёстче, чем в текстах.

Друзья мои, институты действительно не вечны. Они живут и умирают. Они не просто проходят разные фазы.

Интуитивно нам трудно принимать это, особенно в отношении тех институтов, при которых мы с вами оказались успешными.

В нынешних российских институтах нам удалось чего-то добиться. Причём благодаря тому, что в какой-то степени конкуренция всё-таки есть, рынок есть.

А я утверждаю, что это так, потому что в 2022 году санкционный шторм пережит, на мой взгляд, именно потому, что рыночная экономика в России, перекошенная, с монополиями, с большим государственным участием, но существует.

Рынок живой, и он всё-таки «сшил» экономику.

И падение на 2,5%, а не на 10% и больше – это доказательство того, что такая система существует.

Напомню, что Хайек говорил о том, что идёт конкуренция не только товаров и услуг, но и конкуренция институтов.

Что Бьюкенен говорил о бьюкененовской паре, о том, что мы покупаем любой товар в комплекте с тем институтом, который доставил нам этот товар.

Вот эта система всё время движется.

Что мне кажется очень важным, на чём я хотел бы акцентировать внимание из положений доклада уважаемого Виктора Мееровича?

Я думаю, мы действительно видим признаки критической перемены эпох. Двадцатые годы с ковидом, с геополитическим разломом – это не временная флюктуация, это переход в другую эпоху.

Соглашаюсь с Виктором Мееровичем, что культура отмены, которая стала активно распространяться именно из англосаксонских стран, она по сути своей революционная культура.

Вот это отрицание, обнуление истории, которые только в суде становятся аргументом.

Причём, с моей точки зрения, очень странным, требующим материального возмещения прапраправнукам чёрных рабов, привезённых из африканских территорий.

Это распространяющийся культурный надлом.

Я с тревогой жду, как это доберётся до наших университетов.

Это, конечно, признак перемены эпох такой же, как ковид, геополитические разломы...

Полагаю, что, действительно, уже к концу 20-х годов мы из-за того, что люди меняются вместе с этой турбулентностью, будем видеть мир сильно изменённым.

Потому что происходят перевороты вкусов и ценностей. То, что вкусами и предпочтениями называл Фогель.

И я соглашаюсь с Виктором Мееровичем, что это не просто градуальное развитие, а это эпохальные перевороты.

Совершенно необязательно к лучшему, но они происходят.

Тезис номер четыре.

Принимая основные выводы доклада уважаемого академика, я, конечно, всё время думаю, как, мне кажется, и многие из нас, о том, насколько это применимо к России.

И то, что в России недостаточно развит институт конкуренции, тем более политической конкуренции, думаю, что это факт, который в нашем круге не требует обсуждений.

Означает ли это, что Россия должна двигаться в прошлой фазе развития?

В чате возник такой вопрос о теории Гершензона о преимуществах отсталости: «Должны ли мы проходить те фазы, которые прошли лидирующие страны? Или мы имеем возможность пренебречь?»

Я думаю, что, с одной стороны, наращивание конкурентных институтов – это потребность.

Эти конкурентные институты, рынок, бизнесы спасают страну в нынешних жёстких экономических условиях, в агрессивной среде.

Но означает ли это, что мы не можем двигаться к коллаборации?

Не означает. На мой взгляд, речь идёт не только об институтах догоняющего развития.

Потому что, если мы возьмём цифровые экосистемы, а я напомню, что Виктор Меерович в докладе называет два фактора движения к развитию коллаборации в мире, не в Семёрке только.

Это сетевые, цифровые технологии, и это рост качества человеческого капитала, уровня человеческого капитала?

Присутствуют ли у нас эти цифровые технологии, цифровые экосистемы?

Да. Напоминаю, коллеги, Россия – одна из, пожалуй, четырёх стран мира, где вообще рождаются цифровые экосистемы.

Это США, Китай, в какой-то степени Южная Корея, там это специфично, и Россия.

Можем ли мы здесь двигаться в тех ориентирах, о которых говорит Виктор Меерович?

Я полагаю, что да, потому что я имею честь возглавлять консультативный совет Яндекса по открытым экосистемам и ещё обсуждать эти вопросы в наблюдательном совете Сбера, куда вхожу как независимый эксперт.

Что пытается делать консультативный совет?

На самом деле, таким образом решить взаимоотношения со стейкхолдерами, чтобы возникла система саморегулирования, а не усиление государственного контроля, и в итоге назначение директора департамента Яндекса или директора департамента экосистемы Сбера.

Вот это было бы, по-моему, категорической ошибкой.

Но ошибкой было бы и отсутствие систем саморегулирования, потому что эти гиганты сейчас чрезвычайно концентрировались.

Степень монополизации, конечно, выросла.

Отступление Гугла освободило очень большие пространства для Яндекса.

Ослабление внешних финансовых услуг, безусловно, расширяет и улучшает положение Сбера до такой степени, что он уже объявил о значительных финансовых результатах 2022 года.

Поэтому пройти здесь между монополизацией и торможением развития не только экономического, инновационного, технологического и угрозой огосударствления... тогда надо делать систему саморегулирования.

Это реальная работа на линию коллаборации.

Теперь об уровне человеческого капитала. Виктор Меерович, я вынужден огорчить Вас.

Мы проводили лонгитюдное исследование в течение 4 лет в 26 университетах.

И если в целом в институциональной теории считается, что уровень образования повышает доверие, то в российской системе образования доверие от первого курса к четвёртому падает.

И, когда мы это обсуждали с коллегами из других университетов, они сказали: мы же не на облаке живём, мы социализацией занимаемся.

Мы готовим людей к жизни в этой среде.

То есть, я бы сказал, если институты высокого качества, то образование, социализируя, поднимает доверие.

А если низкого качества, то опускает.

И это опять вызов нам, потому что мы все, уважаемые академики, члены-корреспонденты, профессора РАН и просто профессора, мы и есть производители этого человеческого капитала.

Поэтому полагаю, что нам предстоит заниматься как защитой и развитием конкуренции в стране Россия, так и коллаборативной характеристикой институтов, по крайней мере, через цифровые экосистемы и изменение установок в системе образования.

Последнее, о чём я хотел бы сказать.

У Вас это упоминается, но только мельком, и в докладе, и в перечнях, – длина горизонта.

Я думаю, что ключ ко всему – это длина горизонта, на который смотрят люди, элиты, лица, принимающие решения.

Сейчас у нас длина горизонта вряд ли уходит за март 2024 года, за президентские выборы.

Так было и в прошлые годы.

Поэтому максимально этот горизонт достигал расстояние от одних выборов до других.

Успешные модернизации, мы исследовали этот вопрос 10 лет назад, происходили тогда, когда возникал 20-летний горизонт мышления.

Откуда нам взять этот 20-летний горизонт?

Мне кажется, это главная задача.

Потому что в коротком горизонте мы будем строить негативные коллаборации, объединение этих против всех.

Только в длинном горизонте позитивные коллаборации дают реальный эффект. Спасибо, коллеги.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Александр Александрович.

Аузан А.А.: Ещё раз спасибо, Виктор Меерович, за широту и глубину поднятых вопросов.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН

Александр Александрович, большое спасибо за комментарий. На несколько вопросов я хотел бы ответить.

Прежде всего, о природе человека.

У меня нет научной трактовки утверждения о том, что конкуренция и сотрудничество лежат в природе человека.

Это нужно было бы как-то уточнить, на самом деле.

Для меня важно другое, что формы конкуренции меняются.

Скажем, людоедство на определённом этапе развития человека было нормой.

Потом война была нормой.

Сейчас всё это изменилось.

Для меня важно прежде всего, насколько велики издержки проигрывающего в конкуренции. Если эти издержки малы, то это, на самом деле, некий механизм сотрудничества.

Так же как товарищеский матч, где, если не брать только престижную составляющую, а так, вроде бы люди поиграли и получили удовольствие.

Очень важно для меня, что Вы согласились с идеей эволюции институтов.

Теперь о кооперации и сотрудничестве.

Да, действительно, в литературе это смешивают, но я предпочитаю эти две вещи различать.

Кооперация – это взаимодействие, которое основано на взаимовыгодности.

Каждый вступает во взаимодействие с другим, считывая на то, что это взаимодействие ему выгодно.

Коллаборация или сотрудничество основаны не только на этом, а на том, что я понимаю интересы других.

И я стремлюсь не только к своим собственным интересам, я искренне забочусь и об интересах тех людей или тех организаций, с которыми я сотрудничаю.

В этом различие.

Опять-таки оно не общепринятое, но я в одной из статей это чётко формулирую.

Ещё одно замечание относительно человеческого капитала и доверия.

Я вообще не утверждал, что рост человеческого капитала автоматически ведёт к доверию.

Вы сказали, что это не так, и я думаю, что Вы действительно правы.

На самом деле, та эволюция, о которой идёт речь, это сложное сочетание четырёх факторов: благосостояния, уровня гражданской культуры, институтов и технического прогресса.

На самом деле, человеческий капитал помогает сотрудничеству только в том смысле, что облегчает его, но, безусловно, сам по себе не обеспечивает его эффективность.

Спасибо большое ещё раз за замечания.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, коллега Столяров.

к. э. н. СТОЛЯРОВ А.И. – проф. АУЗАН А.А.

СТОЛЯРОВ А.И.

к. э. н., заместитель заведующего Базовой кафедрой
инфраструктуры финансового рынка Факультета
экономических наук НИУ ВШЭ

Столяров А.И.: Я хотел задать вопрос.

Александр Александрович, у меня вопрос относительно экосистем.

Вы так однозначно утверждаете, что это коллаборация, но на самом деле это следствие прежде всего конкуренции.

Экосистемы, тем более в России, пытаются занять конкурентное положение.

Аузан А.А.: Конечно, цифровые экосистемы – это результат развития в условиях конкуренции. Они конкурируют между собой.

Я говорю совершенно о другом, о том, что сама по себе экосистема есть такая связка многочисленных стейкхолдеров, в которой возможны манипулирование, давление, перераспределение.

Если мы не выстраиваем на этой технологической основе, например, механизмы саморегулирования. Потому что, видите ли, технология сама по себе даёт результат.

Мы проводили исследования в 2020 году, сначала по Европе, потом по России. По Европе статистические материалы, по России полевые исследования.

Уровень доверия на цифровых экосистемах принципиально выше, чем в традиционных институтах.

Люди доверяют агрегатору, рейтингу. В результате этого мы обнаружили эффект вытеснения.

Традиционные государственные институты сопровождения бизнес-транзакций вытесняются частными, в основном цифровыми экосистемами.

Как в Европе, так и в России.

Это всё, с одной стороны, результат конкурентного процесса, а, с другой – этот высокий уровень доверия, он, разумеется, даёт иную возможность коллаборации стейкхолдеров.

Но там возможны негативные формы коллаборации – объединения против для перекачки ренты. А надо попытаться сделать, мне кажется, более долгосрочные и продуктивные формы коллаборации.

И думаю, что это то небольшое, чем мы можем сейчас заниматься в России, имея в виду послезавтрашний день. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, давайте сейчас слушаем Якова Моисеевича Миркина, а потом уже перейдём к дискуссии, включающей и вопросы, и комментарии.

Пожалуйста, Яков Моисеевич.

ДОКЛАД 3

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор

Добрый день. Ещё раз поблагодарю Виктора Мееровича за интереснейший доклад.

Я рад, что, как мне кажется, Виктор Меерович в ходе дискуссии в ответе на доклад профессора Аузана отказался от тезиса, что конкуренция и коллаборация не являются одновременно равнозначимыми в фундаментальной природе человека.

Это первое.

Второе, я бы хотел повторить свой тезис о больших циклах, о цикличности процесса.

Растёт конкуренция, растёт анархия в системе, она идёт вразнос.

Соответственно, начинает увеличиваться коллаборация, чтобы сохранить систему.

И наоборот, как только излишняя коллаборация начинает подавлять конкуренцию, подавлять развитие системы, подогреваемое конкуренцией, снижать жизнеспособность системы, усиливаются конкурентные начала.

Я посмотрел на проблемы конкуренции и коллаборации немного с другой точки зрения, с точки зрения так называемых моделей коллективного поведения.

Есть известнейший международный проект, «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS), он именно международный.

В таблице (см. рис. 1) приведены итоги опросов по одной и той же методике, сделанных как раз в той группе стран, о которой говорил Виктор Меерович.

**Разные модели коллективного поведения (Wave),
разные «коллективные люди» (World Values Survey, 6th)**

Утверждение (сумма 3 высших оценок)	% опрошенных			
	Россия	Гер- мания	Шве- ция	США
Конкуренция – это хорошо. Она побуждает людей напряжённо работать и развивать новые идеи	38,9	40,6	52,1	56,3
Конкуренция вредна. Она вытаскивает из людей наружу самое худшее	13,8	6,0	5,7	5,6
Доходы должны быть в наибольшей степени равными	55,9	42,0	32,4	21,8
Госсобственность в экономике нужно увеличить	41,3	11,0	15,5	6,1
Правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все были обеспечены	64,3	34,1	21,3	19,4
Насколько это описание похоже на Вас: «Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к жизни, полной захватывающих событий». Сумма ответов – «Очень похоже на меня» и «Как я»	19,7	14,1	19,0	25,3
Я согласен с тем, что большинству людей можно доверять	27,8	44,6	60,1	34,8
Я очень горжусь тем, что я гражданин своей страны. Наивысшая оценка	28,6	25,3	39,7	56,1
Я всегда голосую на национальных выборах	41,8	69,3	84,1	57,8

Рис. 1

Это так называемая континентальная модель – Швеция и Германия.

Это также англосаксонская модель – США.

И конечно, Россия.

Попробуем сравнить модели коллективного поведения.

В WVS используются представительные выборки, которые, действительно, показывают коллективные ценности, которых придерживается то или иное общество.

Мнение, что «конкуренция – это хорошо».

Мы видим закономерное нарастание такой точки зрения от России к самому высшему значению – в США.

Германия и Швеция – посередине.

Возьмём иное, противоположное мнение: «конкуренция вредна».

Закономерно, что его наименьшая распространённость среди опрошенных – в США. Германия и Швеция составляют золотую середину.

В России наивысшая убеждённость, что конкуренция вредна.

Следующий вопрос заключается в том, чтобы оценить, хорошо или плохо равенство доходов среди населения.

Здесь ситуация, как можно было ожидать, обратная.

Максимум любви к равенству в России, минимум – в США. Германия и Швеция – посередине.

Похоже, что мы имеем дело с разными – и очень устойчивыми – моделями коллективного поведения населения.

За коллаборацией может скрываться государство.

Когда мы говорим, что в таких обществах, как Швеция, Финляндия, коллаборация достигает наивысших значений, а в США она ниже, то стоит вспомнить, что Швеция и Финляндия – это континентальная модель рыночной экономики, с повышенной ролью государства, а США – англосаксонская модель, в которой государство (собственность, размеры вмешательства в экономику) имеет значительно меньшую роль.

В таблице (см. рис. 1) хорошо видно, по результатам всех опросов WVS, что наибольшую «любовь» к государству испытывают в России, а далее по нисходящей – континентальная модель (Германия, Швеция), а затем – США.

Нужно ли увеличивать госсобственность в экономике, нужно ли повышать ответственность правительства за равное обеспечение всех?

Максимум «да» – в России, минимум – в США, континентальная модель – золотая середина.

Я взял ещё один вопрос из WVS – о способности принимать риски на себя, риски и, значит, инновации (см. рис. 1).

Мы видим максимум в США, это какая-то другая модель поведения.

С другой стороны, гораздо меньшее значение способности к принятию рисков в континентальной модели, в ней население более консервативно, более осторожно.

Нам это хорошо понятно.

И вдруг – максимум в России.

**Разные модели коллективного поведения, разные
«коллективные люди» / Какие экономики они создают?**

	<p>«Акционеры» Англосаксонская модель Эмигрантская модель</p>	<p>«Стейкхолдеры» Континентальная модель Социальная рыночная экономика</p>
	<p>США, англосаксонские страны</p>	<p>Германия, Швеция и т. п.</p>
<p>Модель поведения населения</p>	<p>Выше принимаемые риски Выше мобильность Ниже стремление к протекционизму, быть в иерархии</p>	<p>Ниже принимаемые риски Ниже мобильность Выше стремление к протекционизму, быть в иерархии</p>
<p>Модель экономики</p>	<p>Капитализм акционеров</p>	<p>Капитализм «стейкхолдеров» (контролирующих акционеров)</p>
<p>Огосударвленность экономики</p>	<p>Резко ограниченная</p>	<p>Заметно присутствие государства в собственности и как экономического агента</p>
<p>Модель компании</p>	<p>Рост капитализации Выше капитализация</p>	<p>Доступ к финансовым и денежным потокам, капитализация – только на рынке M&A</p>
<p>Модель финансирования компании</p>	<p>Акционерный капитал, потом долги</p>	<p>Преимущественно долговая</p>
<p>Модель финансовой системы</p>	<p>Основанная на рынке, market-based</p>	<p>Основанная на банках, кредитах, bank based</p>
<p>Модель финансирования инноваций</p>	<p>«Американская модель» Частный венчур с последующей капитализацией на рынках, small caps</p>	<p>Расширенное участие государства, как правило, отсутствие капитализации</p>
<p>Рынки финансовых инноваций</p>	<p>Процветающие, быстро растущие</p>	<p>Подавленные, догоняющие «англосаксонскую модель»</p>

Рис. 2

Огромный, значительный остров доверия в континентальной модели при гораздо меньших значениях уровня доверия в США.

Понятно, более рискованные люди, более рискованное поведение при гораздо меньших уровнях доверия.

Соответственно, видим, что для России такой же минимум (см. рис. 1).

Это наталкивает на следующую идею.

Да, можно говорить о длинных трендах в коллаборации или в росте конкуренции, как это делает В.М. Полтерович.

Но это не только тренды «в одну сторону». Там есть длинная цикличность.

Но этого недостаточно. Перед нами разные коллективные люди, разные модели коллективного поведения (США, Германия, Швеция, Россия).

На мировой арене действуют разные по характеру «коллективные люди», разные коллективные модели поведения.

Не химера, не выдумка – выявляются вполне объективно.

Эти разные модели поведения, естественно, выстраивают разные модели экономики: капитализм акционеров, капитализм стейкхолдеров (см. рис. 2).

Разную степень огосударствленности экономики, разные модели компаний, где в англосаксонской модели очень важны множественность акционеров и рост капитализации, а в континентальной модели важны, прежде всего, акционеры – стейкхолдеры, их постоянство и доступ к финансовым и материальным потокам от компании.

Эти «люди» выстраивают разные модели финансирования компаний (см. рис. 3).

С одной стороны, прежде всего акционерный капитал (США), с другой стороны, преимущественно долги (континентальная модель).

Разные модели финансовой системы, разные модели финансирования технических инноваций.

Соответственно, разная роль финансовых инноваций.

Без анализа того, что действуют разные «модели коллективного поведения», мы не можем правильно определить тренды в соотношении «конкуренция – коллаборация».

По-разному в этих экономиках эти коллективные люди выстраивают формы коллаборации.

Стейкхолдеры в континентальной модели – это, скорее всего, приводит к обострению конкуренции.

В то же время, когда в англосаксонской модели мы видим капиталы, насыщенные множеством мелких акционеров, когда институциональные инвесторы представляют прежде всего не стейкхолдеров, а массы мелких держателей, – это как раз форма сотрудничества, форма коллаборации.

Или форма сотрудничества в социальной сфере, когда развитие конкуренции, развитие частного на высших своих уровнях приводит к таким формам коллаборации, как эндаумент-фонды, фонды университетов, фонды больниц, музеев.

Разные модели коллективного поведения, разные «коллективные люди».

Какие экономики они создают?

	«Акционер» Англосаксонская модель Эмигрантская модель	«Стейкхолдеры» Континентальная модель Социальная рыночная экономика
	США, англосаксонские страны	Германия, Швеция и т. п.
Формы сотрудничества в бизнесе	Акционерные капиталы – множество мелких акционеров. Инвестиционные и пенсионные фонды, другие небанковские финансовые институты – представители многих мелких инвесторов	Преимущественно государство и институциональные инвесторы (корпорации, банки и небанковские финансовые институты), находящиеся под контролем стейкхолдеров
Формы сотрудничества в социальной сфере	Эндаумент-фонды. Мемориальное участие (госпитали, музеи, университеты и т. п.)	Развиты в гораздо меньшей степени. Государство

Рис. 3

Они формируются за счёт частных вложений, частного конкурентного интереса.

В континентальной модели такие фонды есть, но они значительно менее развиты.

Или мемориальное участие, когда частное лицо или семья строят корпус в госпитале, делают крупнейший вклад в музей или строят корпус музея.

Это форма коллаборации, в её основе – частный интерес или даже конкуренция («какая семья сделает больше»).

Это гораздо в меньшей степени развито в континентальной модели.

Российскую модель поведения я только что исследовал в своей книге «Краткая история российских стрессов.

Модели личного и коллективного поведения в России за 300 лет».

Но мы сейчас сосредотачиваемся именно на той группе стран, которые сопоставлял В.М. Полтерович.

Различия в динамике.

В англосаксонской модели «коллективного поведения» должны быть выше темпы роста по номиналу, выше риски, волатильность.

Она должна быстрее входить в кризис и быстрее выходить из него в сравнении с континентальной моделью «коллективного поведения».

Так и происходит.

Я взял несколько индикаторов для того, чтобы сопоставить данные (см. рис. 4).

У Виктора Мееровича был очень важный тезис о том, что США в кризисе.

Конкуренция – в кризисе, замещается коллаборацией. У него достаточно резкие были оценки.

Базой я взял 2010 г., потому что оценки В.М. Полтеровича относились, наверное, больше всего к последнему десятилетию.

С точки зрения номинальных значений и с точки зрения волатильности, быстроты входа в кризис, глубины кризиса, выхода из кризиса и так далее англосаксонская модель ведёт себя гораздо реактивнее, гораздо быстрее, нежели другой «коллективный человек».

С точки зрения ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

Много спорят по поводу этого показателя, насколько он силен для демонстрации различий.

В любом случае это рост сопоставимый, опережающий Швецию, которой много внимания уделено в основном докладе.

**Разные модели коллективного поведения,
разные «коллективные люди».**

Различия в динамике

	<p>«Акционеры» Англосаксонская модель Эмигрантская модель</p>	<p>«Стейкхолдеры» Континентальная модель Социальная рыночная экономика</p>
	<p>США, англосаксонские страны</p>	<p>Германия, Швеция и т. п.</p>
<p>Различия в динамике</p>	<p>Выше темпы роста по номиналу, чем «континентальная модель». Волатильнее. Более инновационна. Принимает более высокие риски. Быстрее уходит в кризисы и быстрее выходит из них</p>	<p>Ниже темпы роста по номиналу, чем «англосаксонская модель». Ниже волатильность. Менее инновационна. Принимает более низкие риски. Медленнее уходит в кризисы и медленнее выходит из них</p>

Показатель	2021		
	Германия	Швеция	США
Рост ВВП по номиналу, текущие цены, долл. США, 2010 = 100	В 1,25 раза	В 1,28 раз	В 1,53 раза
Рост ВВП на душу населения по номиналу, текущие цены, долл. США, 2010 = 100	В 1,21 раза	В 1,15 раз	В 1,42 раза
Рост ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, текущие цены, долл. США, 2010 = 100	В 1,47 раза	В 1,4 раза	В 1,42 раза
Численность населения, чел.	+3,6%	+11%	+7,2%

Рис. 4

Теперь выводы.

Разные коллективные люди, разные модели коллективного поведения с различными жёсткостями встроенной в них конкуренции.

Разные соотношения свободы и необходимости.

Они действуют в мировой экономике, находясь в соревновании друг с другом и с другими моделями коллективного поведения.

Можно было бы говорить о латиноамериканской или российской моделях, они очень схожи, можно было бы говорить ещё об азиатской.

Каждый из этих «коллективных людей», со своим «характером» выполняет свою роль в мировой экономике, они очень нужны ей.

Если так, то мы видим совсем другую картину, чем тогда, когда обсуждаем в общих терминах закат конкуренции в сравнении с коллаборацией и, соответственно, постулируем кризис в США, вызванный резким усилением значения коллаборации.

За тезисом о закате конкуренции, о преимуществах коллаборации скрыто стоит тезис о повышении роли государства.

Потому что то, что касается континентальной модели, особенно скандинавской модели, мы хорошо знаем, что там значительно повышена роль государства по сравнению с англосаксонскими странами.

Для нас это рискованный тезис, потому что мы часто используем чьи-то основания для того, чтобы доказывать наши собственные решения, наш собственный глобальный тренд к разрастанию государства в российской экономике.

Если говорить о том, куда идти российской экономике, российскому обществу, наверное, речь идёт о социально-рыночной экономике.

Дальше можно обсуждать механизмы, возможно ли это, когда это возможно, будет ли это.

Но эта дорожка к социальной рыночной экономике должна быть проложена в изменениях модели коллективного поведения людей в России.

Такие изменения имеют шансы, если обратиться к нашей истории, к роли Европы в модернизациях России, к европейским корням во многих отечественных институтах (и в частности, в праве, в академической науке и образовании).

Во всяком случае, эту тему стоит обсуждать.

Благодарю за внимание.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН

Я совершенно не согласен с тем, что за тезисом об ограничении роли конкуренции стоит неявный тезис о повышении роли государства.

У меня есть статья, где сопоставляются три механизма: механизмы власти, конкуренции и сотрудничества.

Я пытаюсь доказать, что одновременно с уменьшением роли конкуренции есть другая тенденция – уменьшение роли власти.

Сотрудничество вытесняет одновременно и конкуренцию, и власть.

Это совершенно твёрдое моё убеждение.

Что касается разницы в моделях поведения. Я не думаю, что термину «модель поведения» придан какой-то научный смысл.

На самом деле я говорю о взаимодействии четырёх факторов: культура, институты, благосостояние и уровень технического прогресса.

Все эти четыре фактора взаимодействуют друг с другом, и развитие происходит именно по мере их изменения.

Нельзя отделять одно от другого.

Когда мы говорим о модели поведения, это можно понимать как какое-то сочетание культурных и институциональных характеристик.

Хотя уровень благосостояния здесь тоже играет существенную роль.

Модель поведения не является инвариантом, модели поведения меняются.

Что касается разделения на англосаксонские и континентальные страны.

Много по этому поводу написано, но сколько-нибудь серьёзных исследований, которые позволяют чётко отделить одно от другого, я не нашёл.

И видны совершенно чёткие исключения.

Рассмотрим, например, Новую Зеландию, которая вроде бы должна быть отнесена к англосаксонским странам, там доминирует английский язык.

Когда-то она была действительно близка к Соединённым Штатам и Великобритании.

Сейчас она очень близка к той самой Семёрке, о которой я говорил.

Различие между Италией или Францией и Семёркой очень существенно. Может быть, оно даже не меньше, чем между Семёркой и США.

И последнее.

Если говорить о динамике ВВП на душу населения за достаточно длительный период, стоит отметить, что происходит уменьшение различия.

Две страны из этой Семёрки уже обогнали Соединённые Штаты.

Норвегия и Швейцария по ВВП на душу населения в паритетах покупательной способности опережают США.

Другие страны, на самом деле, приближаются, хотя приближение это не монотонно и можно найти периоды, когда явного сближения, может быть, и не видно. Но за достаточно длительный период такое сближение заметно.

За комментарии спасибо.

САТАРОВ Г.А.

к. т. н., президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ»

Спасибо.

Коллеги, я, конечно, присоединяюсь к высочайшим оценкам этого доклада и содокладов. Они чрезвычайно интересные. Дело не просто в чисто научном любопытстве, а дело в актуальности. Я постараюсь быть кратким.

Начну с палеоантропологического экскурса. Что же лежит в основе нашего вида, *Homo sapiens*: конкуренция или сотрудничество?

На самом деле, здесь трудно оценить их влияние именно с эволюционной точки зрения, но то, что и то и другое чрезвычайно важно, это очевидно.

Напомню, что если говорить не о сапиенсах, а о нашей родовой принадлежности, о роде НОМО, то ещё в этом периоде нашей эволюционной истории НОМО пришлось столкнуться с павианами. И павианы одержали верх.

Поэтому не нужно думать, что исчезновение всех наших предков и отсутствие их следов – это главная вина наша, сапиенсов. В этом павианы тоже участвовали.

А выживали те наши предки, может быть, какие-то очень ранние зачатки НОМО, это явно древнее, чем 400 тысяч лет назад, у кого было такое эволюционное преимущество, как сотрудничество.

Для *Homo sapiens* это оказалось чрезвычайно важным, потому что эта мутация, имеющая естественные глубокие эволюционные корни, совпала с другими изменениями, в частности изменениями гортани.

У нас появилась возможность стремительнее совершенствовать средства коммуникации друг с другом, появился язык. А это, в свою очередь, усиливало сотрудниче-

ство. Тут получился генератор с положительной обратной связью.

С другой стороны, есть другой источник, тоже относящийся к достаточно древним временам, это попытка ответить на вопрос, уж коли институты, об этом говорил Александр Александрович, эволюционируют.

Эволюционируют в буквальном смысле этого слова. Одни умирают, другие делятся, и появляются новые институты. Практически такой же механизм, как и в филогенезе. Возникает естественный вопрос: а что мог бы представлять собой протоинститут, от которого все отпочковывалось, для сапиенсов, может быть, даже и для НОМО?

Понятно, что такие институты могли быть наследованы только из того, чем располагали наши предки по эволюционному дереву.

Поскольку эволюция ничего не изобретает заново, она просто экспериментирует с тем, с чем она имеет дело, с наличным инвентарём.

Я пришёл к убеждению и пытаюсь это доказывать, что таким институтом была игра. А игра, как известно, включает в том числе, как писал Хейзинга, агональные игры, то есть конкурентные игры, помимо других, естественно, форм игр, в том числе игры, в которых очень существенна кооперация.

То есть там было и то и другое. И то и то имеет какие-то существенные корни и влияние на нас. Я пока не вижу, как это можно сопоставить.

Теперь по сути. Тут я тоже подхвачу сказанное Александром Александровичем. Мы действительно живём в абсолютно революционное время. Потому что те изменения в сфере экономических институтов, о которых здесь идёт речь, они накладываются на другие важные изменения, уже начавшиеся.

Прежде всего, конечно, это кризис государства модерна, которое является довольно новым институтом. То, что мы называем государством, специалисты датируют где-нибудь XVI–XVII веком, не раньше.

Государство – это то, с чем мы имеем дело сейчас. Мы живём в условиях кризиса государства, о чём писал, например, Ван Кревельд.

Мы живём в условиях фантастически проявляющегося именно сейчас разрыва между двумя эволюционными процессами внутри культуры. Культура тоже эволюционирует.

Это, конечно, скорость эволюции технологии и скорость эволюции социально-политических институтов. Вторые фантастически отстают от первых, и это порождает серьёзнейшие кризисные явления.

Мы видим, что для нынешнего этапа цивилизационного развития характерен, прежде всего, резкий всплеск горизонтальных связей на общецивилизационном уровне.

Это, конечно же, сопряжено с совершенствованием средств коммуникации. А это, в свою очередь, породило ещё один слом.

Мы знаем такое понятие, как эффект масштаба, там могут быть свои коэффициенты, которые создают границы между разными, например социальными, общностями или государствами. И вот этот взрыв средств коммуникации поменял эти константы.

Раньше мы могли мыслить как не очень большие государства, например государства Семёрки, о которых говорил Виктор Меерович, теперь в этом изменившемся масштабе они превращаются, по сути, в города средних размеров, то, что в науке называется тесный мир. А там работают свои эффекты.

Если на глобальном уровне, то теснота этого мира – это шесть связей, там же 2–3, не больше. А это, в свою

очередь, влияет на важность репутации, это влияет на мораль. Поэтому тут тоже эффекты этих изменений.

Следующее – это резкое ускорение обновления знаний. Это настолько существенно, что некоторые констатируют, что мы живём просто при явной смене научной парадигмы, выражаясь терминологией Томаса Куна.

Это означает и изменение взгляда на общую картину мира, в которой роль хаоса, роль сложности становится несопоставимо важнее.

Что интересно, появляется совершенно новое понимание того, что можно назвать такими громкими словами, как единство бытия.

Сейчас стремительно рушатся границы между отраслями наук, появляются новые дисциплины. Особенно в американских университетах.

Мне представляется, что это важная тема – тема серьёзного слома в отношении к бытовавшим раньше различным экономическим институтам, ветвям экономических институтов.

Их нужно изучать в комплексе и вместе с политическими. Мне кажется, что это может сильно обогатить то, что мы пытаемся нащупать, понять и применить к себе.

По поводу демократии. Демократию чаще всего начинают обсуждать с точки зрения института выборов. Хотя понятно, что демократия – это шире. И сами по себе выборы – это весьма серьёзная и многофункциональная вещь.

В выборах главное не аморальность. Я полагаю, что аморальность – это некий побочный эффект, как многое в том, что присуще нам. Выборы – это борьба с неопределённостью будущего.

Главная проблема живого – это противостояние неопределённости будущего. И с точки зрения таких вещей, как то, что завтра будет воскресенье или что-нибудь в этом

духе, это всё предсказуемо. А на более серьёзном уровне будущее принципиально неопределённое.

Я тут напоминаю главную теорему теории игр о том, что если против вас играет игрок со случайной стратегией, то никакая детерминированная стратегия не выигрывает.

Если вы не хотите систематически проигрывать, вы обязаны ей противопоставить свою случайную стратегию.

Я напомню, что Аристотель считал жребий наилучшим способом назначения муниципальных чиновников.

Выборы далеко не единственное решение. Я напомню, что жребий до сих пор существует как борьба с неопределённостью.

Например, при назначении присяжных в судах. Поэтому дело не в выборах как таковых, а в массе побочных эффектов, которые нам не нравятся.

У нас давно уже валится престиж профессии политика. Я в пандан тому, что говорил Виктор Меерович, добавлю ещё одно социологическое исследование, которое проводилось в Англии, по-моему, в начале этого тысячелетия.

Профессия парламентария в вопросе о престижности профессий оказалась на последнем месте. Понятно, что это может быть неким казусом, она могла оказаться на третьем месте с конца, а не обязательно на последнем. Там дело уже в нюансах методики.

Опять же, если мы говорим, что нам почему-то не нравятся выборы, они ухудшают нашу мораль, это нужно рассматривать в комплексе с другими вещами.

Это всё, что я хотел сказать.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Георгий Александрович. Татьяна Владимировна, пожалуйста, Вам слово.

ЧЕРНИГОВСКАЯ Т.В.

д. б. н., д. ф. н., чл.-корр. РАО, профессор, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, зав. кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ

Добрый день.

Я сначала думала: я не экономист, моя область – когнитивная наука, отчасти антропология и то, что вокруг этого.

Но по ходу дискуссии вижу, что мне всё-таки нужно высказаться.

Клод Леви-Стросс несколько десятилетий тому назад сказал, что XXI век будет веком гуманитарного знания или его не будет вообще.

И ситуация, в которую мы сейчас попали, говорит нам о вещи, которая звучит банально, но на самом деле это правда, и господин Сатаров Г.А. меня на несколько мыслей натолкнул.

Нам надо успокоиться, сесть и подумать, потому что мы попали в какую-то неправильную сетку координат.

К вопросу об эволюции хочу заметить, поскольку это отчасти моя область, что эволюция есть не только дарвиновская.

Есть разные теории эволюции.

Вопрос в том, что НОМО конкурировали не только с нашими биологическими соседями, но ещё не НОМО, а конкурировали и друг с другом. НОМО – полиморфный вид.

И сейчас, особенно последнее десятилетие, это страшно интересно, потому что из-за огромных успехов палеогенетики появляются сведения, о которых мы ничего не знали и знать не могли. То есть у нас было много соседей, они жили одновременно.

Замечу, что не только денисовцы (сейчас нет времени и необходимости об этом говорить), но и неандертальцы имели мозг больше, чем у нас, однако проиграли.

Встаёт вопрос о том, что значит – проиграли. Потому что они не то чтобы совсем исчезли.

У нас есть гены очень полезные, связанные с иммунитетом, которые к нам пришли от неандертальцев. Но я не к этому веду.

Когда мы говорим «язык», то любой человек на улице, к которому вы подойдёте с вопросом «Что такое язык?», ответит: «Это средство коммуникации».

И он ошибётся. Потому что это, конечно, средство коммуникации, но отнюдь не единственное, можно коммуницировать и другими способами.

Важнее другое.

Тут нельзя не вспомнить одного из крупнейших лингвистов и философов XX века, а именно Ноама Хомского, который на такой вопрос отвечает иначе.

Язык – это средство мышления.

Вот тут как раз нужно притормозить, потому что... я не собираюсь, естественно, лекцию читать, но несколько вещей стоит отметить.

Среди нас академик Лекторский В.А., я думаю, он меня поддержит.

У нас так мышление устроено, или, я даже рискну сказать, так мозг наш устроен, точнее говоря, может, он и не так устроен, но мы думаем, что он так устроен, мы находимся в плену бинарности, вот я к чему клоню.

И это более важное соображение.

Либо конкуренция, либо кооперация.

Так вопрос-то не стоит. Они не конкурировали в эволюции, даже если нам говорить о НОМО.

У нас всё время эта ментальная привычка – всё делить на два.

Хорошее – плохое. Белое – чёрное.

Голубое – не голубое. Зелёное – голубое.

Оно всё перемешалось. А поскольку у нас есть эта привычка, то мы начинаем путать такие существенные вещи.

Как человек, который мозгом занимается, я уверяю, что это одна из больших ошибок, в которой мы находимся всё время.

Мы путаем каузальность с корреляцией.

Вот что происходит. Когда я думаю, что я играю на скрипке, у меня в мозгу происходит вот что.

Ну и что? Больше ничего.

Они просто совпали по времени. А с каузальностью здесь дело плохо.

Вы не думайте, что я вас в сторону увожу. Это ровно то, о чём мы сейчас говорим.

Смотрите, что сейчас происходит.

Наш ведущий, профессор Гарегин Ашотович Тосунян, говорит, что живём мы теперь неправильно, а жить надо правильно.

Уж если говорить о бинарности, давайте договоримся о том, что такое здоровье психическое, а что такое болезнь.

Всё, что нам сейчас навязывается и во что мы с радостью впали, – это разрушение самых главных принципов.

Если я приду на Учёный совет Петербургского университета, в котором имею честь состоять, и у меня будет 48 косичек разного цвета, наверное, меня всё-таки отправят в дурдом. И будут правы.

Потому что это будет значить, что я не ориентируюсь в обществе.

Но если вдруг я сошла бы с ума и пришла так на пляж, то в дурдом меня не сразу отправили бы, а через некоторое время.

Вопрос прогресса.

Это очень нетривиальный вопрос.

Возвращаясь к антропологической теме: я была в Денисовой пещере и общалась с людьми, которым Нобелевская премия дана в этом году за секвенирование генома денисовцев, которые старше неандертальцев в два раза.

Так вообще глупо говорить, но для красоты скажу так, для простоты. Что мы там видим?

Мы там видим украшения, кольца, бусины – это 60 тысяч лет назад или более.

Послушайте, мы так не договаривались.

Это предмет уже исторического человека. А это когда было?

О каком прогрессе вообще мы с вами можем говорить?

Это длинная и очень интересная тема, кстати говоря.

Если разговариваешь, например, с искусствоведами высокого полёта и задаёшь им вопрос: «А есть ли прогресс в искусстве?», они просто смеются.

Неадекватный вопрос. Это неправильный вопрос. Что является критерием?

Я к чему это все клоню?

К тому, что нам надо бы как-то разобраться с собственными мыслительными возможностями.

Мы неправильно думаем.

С чего мы взяли, что всё делится на два?

Оно не делится на два, оно даже на 122 не делится, потому что зыбкие границы между категориями.

Что считать чем?

Я здесь, пожалуй, закончу.

Нет, ещё одну вещь скажу.

Я не видела пока книги, где рассматриваются тенденции мыслительные за 300 лет России.

Просто не понимаю, как это могло вообще случиться, потому что в России чего только не было, как и в любой другой стране.

Мой друг и товарищ, надеюсь, что не ошибаюсь, определяя наши отношения с Александром Александровичем Аузаном, не даст соврать мне, я сразу восторженно отреагировала на роль культурных различий, которые идут так далеко, как в экономику.

Культурных – в смысле больших типов ментальности, типов культур. Это отражается даже в генах.

Если мы возьмём, например, части Китая, где выращивают пшеницу, и другие его территории, где выращивают рис, то сам факт такого рода деятельности, которая более или менее включает в себя кооперативность, даёт отзвук на геном.

Вот я к чему, понимаете? К тому, что давайте бросим играть в бинарность.

Всё, я закончила.

Тосунян Г.А.: Алексей, пожалуйста, мы уже к завершению, поэтому, пожалуйста, в пределах трёх минут.

МАМОНТОВ А.Н.

Я хотел бы вернуться к выступлению уважаемого Виктора Мееровича. По возможности, если он прокомментирует или ответит.

Сегодняшние докладчики рассматривали темы соотношения между сотрудничеством и конкуренцией. При этом я бы хотел понять ещё одно явление, которое возникает всё чаще в нашей жизни, оно и в истории было.

Это доминирование, или деспотия.

Совсем ли оно ушло из темы или всё-таки осталось?

Мне кажется, я наблюдаю это явление – стремление к доминированию и отмене и конкуренции, и сотрудничества – и в экономике, особенно в развитых экономиках, там, где возникают транснациональные корпорации, и в политике как в концентрированном выражении экономики.

Мне кажется, что отдельные субъекты мировой политики не стремятся ни к сотрудничеству, ни к конкуренции, они утверждают новое понятие – доминирование.

Я хотел бы всё-таки, чтобы уважаемые коллеги попытались ответить на этот вопрос и прокомментировать, существует ли этот раздражитель в рассматриваемой теме. Или его вовсе нет и это просто мной придумано?

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

Только это уже в заключительном слове.

Мы сейчас выслушаем всех, кто поднял руки, а потом уже в заключительном слове.

Вы ответите на неотвеченные вопросы.

Чат посмотрите, там какие-то дополнительные вопросы появились.

Пожалуйста, Михаил Фёдорович.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН, д. социол. н., директор ФНИСЦ РАН

Я хотел заметить очень коротко, что не слишком убедительными являются ссылки на Ричарда Докинза. Это философ, который придерживается философского экстремизма, либертарианства.

Он предлагает отменить государство, налоги называет грабежом и предлагает оставить только суд.

Отменить все ограничения и позволить людям утверждать себя в форме конкуренции.

Такие экстремисты есть в любой области знания.

В социологии науки есть, к примеру, Пол Фейерабенд, который предлагал эмансипировать любые исследования, даже сомнительные с точки зрения строгой доказательности.

Но если мы всё-таки говорим о серьёзных исследователях, а не о тех, кто пытается эпатировать публику, то, наверное, надо обратиться к этологическим исследованиям, и прежде всего к тем результатам, которые получил в ходе подобных исследований Франс де Вааль. Он показал, что без кооперации сообщества животных, близких к нам по организации и по социальности, не выживают.

В этих сообществах существуют предпосылки для сотрудничества в самых развитых и самых сложных формах.

Есть у животных и представление о справедливости.

Даже обезьяны понимают, какие действия справедливы, а какие нет.

Если это так, то и нам надо с этим разобраться.

Есть замечательная книга философа либерального направления профессора Гарвардского университета Майкла Сэндела, которая называется «Тирания меритокра-

тии: что случилось с общим благом?» (The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?).

Не буду сейчас говорить долго об этой книге, Сэндел показывает, что именно меритократия, именно конкуренция или завышенные требования к конкуренции приводят к кризису институтов.

Если мы имеем ситуацию, как в Соединённых Штатах, когда меритократия ставится поверх всего, то получаем на выходе кризисную ситуацию в разных сферах жизни, а также расцвет коррупции.

Если побеждает сильный, то почему он должен стесняться в средствах? Вот такое короткое замечание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Фёдорович. Пожалуйста, Арутюн Ишханович.

АВETИCЯН А.И.

акад. РАН, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

Спасибо, Виктор Меерович, было очень интересно.

Я сам IT-шник, поэтому не очень разбираюсь в экономических институтах. Но мне по душе то, что я слышал.

Наверное, мы все согласимся, что слова «конкуренция» и «кооперация» бессмысленны вне контекста – они слишком перегружены, и границы их значений размыты.

Самое важное тут – правильная постановка цели.

С моей точки зрения, кооперация имеет смысл только в контексте того, чтобы существенно повысить продуктивность труда, помочь решать задачи, которые до этого в принципе нельзя было решить.

И в мире уже есть пример такой кооперации: это феномен открытого кода, существующий уже давно. Программы, у которых открыт исходный код, может дорабатывать и улучшать каждый программист.

Поэтому разработчики из разных компаний и стран могут создавать такие программы совместно. Каждый делает вклад в общий проект и может пользоваться результатами.

Сейчас 85% разработчиков (даже крупнейших корпораций) говорят о том, что их решения так или иначе базируются на открытом коде.

Разработка современного ПО – сложный процесс, который у нас в стране не до конца проработан – как с экономической, так и с научной точек зрения.

Как быть в этом сверхсложном мире, который очень быстро меняется, где миллиарды строк кода, где конкурентоспособность всех отраслей экономики зависит от успешности в цифре?

Как встроиться в этот мир, чтобы не стать, с одной стороны, такой закрытой страной, как КНДР, а с другой

стороны, не потерять свою технологическую независимость?

Это очень сложные вопросы.

Мне было бы интересно на эту тему отдельно как-то подискутировать, порассуждать.

Наш институт (ИСП РАН) создал такую историю, когда десятки компаний (например, «Лаборатория Касперского» и другие лидеры), которые реально конкурируют на рынке, в кооперации вместе с нами и с международным сообществом создают доверенное системное программное обеспечение.

За минувший год в открытые проекты (ядро Linux, ключевые компоненты) было принято около 100 наших совместных исправлений по безопасности.

Весной я выступал на форуме БРИКС, говорил о том, что эту идею надо распространять на весь мир.

Мне кажется, в этом контексте лидерская позиция нас как страны важна идеологически.

Несмотря на то что мы не являемся сейчас основным центром разработки в мире, но эта идея от нас могла бы исходить и мы могли бы её транслировать на весь мир.

Это идея о том, что правильная кооперация не убивает конкуренцию. Наоборот, создаёт возможности для настоящей конкуренции.

Приведу пример.

Если базироваться на плохо проработанных технологиях, то, например, телефон будет весить килограмм вместо того, чтобы весить 150 грамм.

Но, наверное, это не очень хорошо для всех нас.

Как сделать, чтобы такая ситуация не возникла? Сейчас это неочевидно.

Есть разные модели, разные пути развития.

Есть политические риски, мы все столкнулись сейчас с тем, что, несмотря ни на что, есть попытки ограничить участие отдельных стран в открытых проектах.

Сейчас нужно обеспечить максимальную кооперацию лучших ресурсов внутри страны, а потом вывести идею кооперации на мировой уровень, потому что на самом деле все технологические вызовы глобальны.

Нужно не разойтись на региональные истории и остановить прогресс – тем более что остановить прогресс всё равно невозможно и от попыток все только проиграют.

Тут встают и вопросы экологии, и многие другие, о чём в рамках такого выступления невозможно сказать.

Тот же искусственный интеллект – можно отдельно эту тему долго обсуждать.

Мне кажется, было бы хорошо, если, кроме таких институциональных вещей, мы создавали модели, механизмы сотрудничества, которые были бы прозрачны и понятны всем и которые реально можно было бы использовать.

Общественный контроль мог бы быть.

Я вот это хотел сказать, спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Клепач Андрей Николаевич.

КЛЕПАЧ А.Н.

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

Всем добрый день, всех с китайским Новым годом, который сегодня, я так понимаю, наступит.

Будем надеяться, что какое-то обновление в нашей жизни тоже произойдёт.

Не хочется повторяться, но присоединяюсь к оценкам, что доклады очень интересны.

В то же время мне кажется, что сложность и драматизм нашего мира мы всё-таки пытаемся осмыслить на каком-то не просто старом языке, а на этой дихотомии или двойственности, которая его не объясняет.

Про то, как конкуренция смягчалась, превращалась в монополистическую, уже написана гора книг.

И мы до сих пор видим, что есть и конкуренция, есть те же монополии.

То же самое – и кооперация, солидарность.

Может быть, здесь как раз очень важна многомерность.

Виктор Меерович сказал, что это не просто кооперация и сотрудничество, а это уважение и взаимодействие, которое строится на том, что для тебя партнёр – не просто партнёр, а он важен, его интересы, его существование. То есть это какой-то другой уже более глубокий смысл.

Потому что мы, так или иначе, живём в мире, где очень многие ценности рухнули или, во всяком случае, происходит их переосмысление.

В докладе упоминалась значимость общества благосостояния.

Но мы также знаем о том, что общество благосостояния переживало в 70–80-е годы глубокий кризис, и финансово-экономический, и ценностный, да и сейчас вступило в новую фазу своего кризиса.

Взлёт либерализма и всех неоклассических моделей в 90-е годы был связан с попыткой найти выход из этого противоречия.

Сейчас мы видим ревизию идей либерализма, переосмысление принципов свободы рынка и конкуренции и попытку найти новый социальный компромисс, новое партнёрство, что проявилось в утверждении глобальных целей ООН, поиске моделей устойчивого развития и распространения даже среди корпораций принципов ESG.

В то же время даже официальные документы ООН показывают, что мир от целевых индикаторов устойчивого развития сейчас во многом дальше, чем это было раньше.

Это касается масштабов голода, бедности, неравенства в доступе к медицинской помощи.

Действительно, и Россия стала другой, и Мир тоже становится другим, и причина этого не только в расколе, порождённом антироссийскими санкциями и геополитическим конфликтом на Украине.

В довоенный или доконфликтный Мир мы не вернёмся.

А куда мы придём?

Вряд ли Мир будущего будет строиться только на том, что нужна кооперация.

Если кооперация, или солидаризм, или коллаборация, то какого качества?

Пока, на мой взгляд, мы не видим конкретных контуров будущего.

То, что здесь должны быть институты, в том числе их Виктор Меерович называет связанными с догоняющим развитием, или переходные институты – это верно.

Но пример Японии и Франции показывает, что все эти вещи, индикативное планирование и прочее, не только для догоняющего развития.

Может быть, здесь самое важное то, что есть в докладе, и он ссылается на Пьера Массе, что планирование, в том числе индикативное, – это не только индикаторы, но и определённое сотрудничество, согласие в обществе.

Это то, чего у нас нет.

И как к этому прийти?

Главное, между кем?

То есть как меняется сам человек, как меняется общество?

Очень многие принципы, которые обсуждались, – консенсусная демократия или стейкхолдеры, то же самое ESG, – в них много разумного.

Только как это наложить на нынешний мир, где идёт глобальный раскол, идёт конфронтация, которая, в принципе, может закончиться взаимным уничтожением?

Мне кажется, что нам нужно, может быть, действительно попытаться более многомерно на это посмотреть.

Это прозвучало и в докладе – кооперация или сотрудничество, а ради чего?

Ради каких ценностей?

Справедливости, солидарности?

Это становится ценностью или это просто инструмент, вопрос эффективности, управления, ещё чего-то?

Это ценностное переосмысление, наверное, самый важный вопрос, на мой взгляд.

Поэтому мне кажется, что выступление и доклад требуют продолжения осмысления.

Очень много вопросов, на них ответов меньше, чем самих вопросов.

Но именно за эти вопросы я тоже хотел ещё раз поблагодарить и Виктора Мееровича, и всех выступивших.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Рустэм Хабибович, Вам слово.

МАРДАНОВ Р.Х.

к. э. н., начальник Уральского
главного управления ЦБ РФ

Спасибо, уважаемый Гарегин Ашотович, уважаемые коллеги.

Также хотел бы поблагодарить за блестящее выступление Виктора Мееровича и за отличные содоклады, которые помогли раскрыть тему.

Хотел бы остановиться на двух моментах.

Первое.

Виктор Меерович, Вами высказана очень плодотворная идея, на которой достаточно детально не остановились, может быть, в ходе дискуссии.

Это обращение к классической модели конкурентного равновесия Эрроу – Дебрё.

В общем случае можно показать, что эта модель, к сожалению, не позволяет обеспечить общее равновесие при тех предпосылках, которые в ней сформулированы.

Соответственно, это является отражением тех проблем в обществе, о которых Вы говорили, и указывает на те негативные явления, которые сейчас нарастают.

Как мне кажется (это дополнительная идея для Вас, Виктор Меерович), тот же вывод можно сделать и о дополнении классической модели конкурентного равновесия, которое было сформулировано нобелевским лауреатом Морисом Алле.

Он модифицировал классическую модель, включив в неё индикативное планирование, которое как раз во Франции использовалось.

Оно в том виде, в котором интерпретировано Морисом Алле, тоже не позволяет лишить отмеченных недостатков модель общего равновесия.

В целом это, как мне кажется, является основой и причиной проблем конкурентной модели равновесия. Как следствие, конечно, нужно искать новые модели координации деятельности.

И второе.

Я бы хотел, пользуясь случаем, ещё раз Вас поблагодарить за Ваши идеи уже с точки зрения практических подходов к реализации новых механизмов коллаборации.

Когда Вы приезжали к нам в Башкирию, мы с Вами очень плодотворно пообщались, а Ваши идеи мы учли при формировании системы жилищных строительных сбережений.

Кстати, хочу сказать, что она по-прежнему продолжает успешно функционировать в Башкирии.

Уже более 10 тысяч человек смогли с её помощью улучшить свои жилищные условия.

Хочу подчеркнуть, что эта модель иллюстрирует те подходы, о которых Вы сейчас говорили.

Как мне кажется, будущее, в том числе с точки зрения решения современных проблем российского общества, лежит в поиске и нахождении подобного рода подходов и инструментов.

Спасибо ещё раз Вам большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Рустэм Хабибович.

Коллеги, если не возражаете, тогда уже будем завершать.

Виктору Мееровичу заключительное слово, потом, Абдусалам Абдулкеримович, естественно, Вам слово.

Абел Гезевич просит слово. Вам, Абел Гезевич, всегда безоговорочно предоставляется слово.

АГАНБЕГЯН А.Г.

акад. РАН

Несколько слов буквально.

Я думаю, что надо специально всё-таки обратить внимание на роль государства.

Роль государства состоит не в словах, а в его экономической мощи.

И выражается это долей госбюджета в валовом продукте.

В Скандинавских странах она выше 50%.

Половина всего ВВП в руках государства.

Если конкретно говорить, то в Финляндии это 54,9%, в Дании – 54%, в Швеции это – 50,2%, в Норвегии – 49,2%, в Нидерландах – 47%.

В то время как в других странах, в США, скажем, это 37%.

Но в США 37% из-за больших военных расходов.

Они в процентах ВВП в два-три раза выше, чем в Скандинавских странах.

Поэтому если взять без военных расходов, без всяких иностранных вложений, которых в США намного больше, то вообще это просто несопоставимые показатели по экономической мощи государства.

А что противостоит государству?

Государству противостоит частнокапиталистический сектор.

В этих странах он занимает самое низкое место с точки зрения экономики.

Потому что на экономику больше влияет бюджет.

Это первое.

Второе: я хотел сказать, что Швейцария, на мой взгляд, ничего общего не имеет с этими странами.

Её не нужно относить к этой Семёрке.

Если они имеют долю государства под 50%, то Швейцария имеет долю ещё ниже, чем в США.

В Швейцарии доля государства 33,9%.

Понимаете, это совсем другая страна. И с точки зрения инноваций Швейцария очень высоко стоит, совершенно несопоставима с этими странами с точки зрения мировых рейтингов.

Просто другая система. Швейцарию хорошо знаю, я 35 лет был резидентом и проводил там по три месяца. Поэтому не нужно про это говорить.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Тогда будем завершать.

Пожалуйста, Виктор Меерович.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН

Начнём с конца.

На самом деле роль играет не объём бюджета, а способ управления этим бюджетом.

Вот в этом на самом деле существенное различие, а не просто в объёме.

Государство всеобщего благосостояния действительно более развито в этой Семёрке.

К этой Семёрке, безусловно, принадлежит Швейцария.

Я это просто демонстрирую количественным, если хотите – математическим способом.

И тот факт, что она серьёзно по своим механизмам отличается от других стран, оказывается, не влияет на важнейшие свойства, которыми обладает механизм управления Швейцарии.

Он другой и, тем не менее, в значительной степени основан на сотрудничестве.

Я уже не буду вдаваться в детали.

Там на самом деле взаимодействие кантонов играет роль.

Совершенно потрясающие правила назначения правительства, где президент меняется каждый год, и так далее.

Роль механизмов сотрудничества в Швейцарии очень велика.

И эффективность тоже очень высокая в Швейцарии.

Это, бесспорно, один из лидеров и по количественным расчётам примыкает к Семёрке.

Здесь прозвучало немного странное для меня заявление о бинарности.

Я всю жизнь боролся не только с бинарностью, но и с попытками монокаузального объяснения истории.

И одна из моих работ в двух частях, вышедшая в 2018 году, – «Общая теория социально-экономического развития и эволюция механизмов координации».

Она как раз и посвящена критике монокаузальных теорий. Кстати говоря, авторами их являются выдающиеся исследователи Норт, Аджемоглу, Даймонд, Вельцель.

Почему-то они сосредоточились на монокаузальных концепциях экономического развития.

Спорят, что важнее – институты, культура или географические факторы.

Я пытался развить теорию, согласно которой взаимодействие культуры, институтов, благосостояния и технического прогресса, именно их взаимодействие позволяет объяснить социально-экономическую эволюцию.

Кстати говоря, **в этих работах я рассматриваю не два механизма, конкуренцию и сотрудничество, а три: конкуренцию, сотрудничество и власть.**

Власть – это как раз то, о чём говорил Алексей Николаевич, используя термин «доминирование».

Я прихожу к выводу, что, если брать достаточно длинный период развития, из этих трёх важнейших, главных механизмов координации всё большую и большую роль приобретает механизм сотрудничества.

А роль двух остальных в некотором смысле уменьшается.

Опять-таки, повторяю, речь идёт о развитых странах.

Какие можно сделать выводы из всего сказанного относительно того, что в последние годы происходит и в особенности связано с Россией?

Я попытался наметить рекомендации очень общего характера. В действительности, конечно, анализ нынешней ситуации требует совершенно отдельных исследований.

Поэтому речь совсем не идёт о бинарности.

Речь идёт о том, в каком сочетании реализуется и как эволюционирует взаимодействие трёх главных механизмов: конкуренции, власти и сотрудничества.

В рамках этого доклада о власти я не имел возможности говорить, я бы не уложился по времени.

И конечно, различия между каузальностью и корреляцией – это то, чему учат студентов третьего или второго курса, которые занимаются эконометрикой.

Такое различие, бесспорно, нужно делать. Это общее место.

На чём я ещё должен остановиться?

Да, я совершенно согласен, что мы переживаем период быстрых изменений.

Очень важный тезис в моем докладе состоял именно в том, что мы имеем дело с эволюцией институтов.

Я благодарен Александру Александровичу, который подчеркнул этот тезис.

Речь идёт именно об эволюции.

Большое спасибо за многочисленные вопросы, за комментарии, очень признателен всем участникам.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Яков Моисеевич.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор

Если возможно, несколько пунктов.

Пункт первый.

Если всё-таки в докладе речь идёт о глобальном «вечном» тренде, заключающемся в том, что конкуренция подминается сотрудничеством, наверное, это проблемный тезис, над которым стоит подумать.

Я, скорее всего, ответил бы, что если есть этот тренд, то он не является вечным.

Пункт второй.

Это процесс циклический.

И глобальные длинные циклы в этом хорошо видны.

Третье.

Всё-таки, Виктор Меерович, целевая группа государств, о которых вы говорите, прежде всего скандинавская модель, хорошо известна расширенной ролью государств.

Я ещё раз хочу это подчеркнуть.

И невозможно отрывать два вопроса – о росте солидаризма в этой группе стран и о роли государства.

И существует очень длинный, вековой, глобальный тренд усиления роли государства.

Действительно, если взять простейший индикатор – долю бюджета в ВВП, отношение бюджета к ВВП, то расчёты доступны с середины XIX века, есть соответствующие исследования, свидетельствующие о том, что эта доля все время растёт.

Естественно, не без колебаний во время войн, но она всё время растёт.

Четвертое.

Общества конкурируют друг с другом.

Общества создают модели экономик с довольно устойчивыми параметрами, мы их можем сравнивать, мы видим отличия, они довольно устойчивые.

Да, конечно, они могут меняться со временем, могут смешиваться, может происходить американизация японской модели и так далее, но они есть, они существуют.

В основе любого человеческого явления (а экономика – это плод того, что делает человек) – прежде всего сам человек, поведение человека.

И здесь очень важно, Вы это назвали культурой, я это называю моделями коллективного поведения. Мы здесь вступаем в область огромных давних исследований.

Александр Александрович говорит о культурном коде.

Но очень важно в той области исследований, которую Вы ведёте, говоря о том, например, что США находятся в кризисе, а скандинавская Европа – на подъёме, всё-таки очень важно связывать это с моделями коллективного поведения, «коллективным человеком».

Потому что по смыслу это разные люди.

Поэтому призываю не только видеть глобальный тренд конкуренция/коллаборация, но и дать нам возможность рассматривать мировую экономику как взаимодействие разных моделей коллективного поведения, разных культур.

И тем самым более объективно и спокойно смотреть на эти тренды.

Потому что люди разные нужны, люди разные важны.

Благодарю за внимание.

Во-первых, относительно утверждения, что тренд на уменьшение роли конкуренции, на увеличение роли сотрудничества не является вечным.

Конечно, ничего вечного нет. Ясно, что всё преходящее.

Вопрос о том, что мы можем про это сказать.

В цикличность соотношений конкуренции и сотрудничества я не верю, не вижу доказательств этого.

Действительно, мелкие циклы могут быть, они наблюдаются.

Но сквозь эти циклы проступают некоторые тенденции.

Я как раз стремился показать, что эта тенденция допускает однозначный вывод о том, что механизмы конкуренции и власти в наиболее развитых странах играют меньшую роль со временем по сравнению с механизмами сотрудничества, роль которых увеличивается.

Не то что она сейчас намного больше, но она увеличивается, вот это важно.

Я подчёркивал, что по мере развития уменьшаются издержки конкуренции.

Для меня конкуренция с нулевыми издержками проигравшего является формой сотрудничества.

Насчёт того, что скандинавская модель связана с увеличением роли государства, – это, на мой взгляд, неточный тезис.

Во-первых, речь идёт не только о скандинавской модели, я, видимо, недостаточно подчеркнул это.

Но Швейцария и Нидерланды присоединены здесь не случайно. Их никто не относит ни к Скандинавским, ни даже к нордическим странам.

Скандинавских стран, как известно, три, нордических – пять.

Я рассматриваю Семёрку.

Происходит «нордизация».

Думаю, если мы через 10 лет рассмотрим те же самые вопросы, то в группу лидеров будет входить большее число стран.

Преувеличение роли государства, на мой взгляд, извините, связано с немножко наивной точкой зрения, согласно которой любая иерархия является иерархией власти.

У меня есть статья «Коллаборативные иерархии», где я показываю, что иерархическая структура вполне совместима с механизмами сотрудничества.

Тот, кто стоит наверху, может играть роль координатора, а не того, кто принимает важнейшие решения.

В этом смысле это поверхностные, как мне кажется, наблюдения, что в Семёрке роль государства чрезвычайно велика.

Наличие большого бюджета ещё не свидетельствует о том, что здесь играет роль властное взаимодействие.

Надо смотреть, на каких основаниях и как этот бюджет собирается и расходуется.

Если есть разнообразие взаимодействующих агентов, которые как раз и диктуют, как надо собирать и расходовать бюджет, это означает, что механизмы сотрудничества здесь играют важнейшую роль, а вовсе не механизм власти, который мы имеем в виду, когда говорим о роли государства.

Относительно того, что надо бы рассмотреть взаимодействие разных обществ с разной структурой коллективного поведения.

Я ещё раз повторяюсь: для меня коллективное поведение, если мы будем его как-то более строго определять,

целиком определяется гражданской культурой и институтами.

Играет роль история, безусловно.

Я в своих статьях прослеживаю историю стран Семёрки.

Например, очень важно, что в Скандинавских странах не было феодализма в обычном его понимании.

Элита не владела землями, а отличалась тем, что служила при дворах монархов, играя при этом значительную роль.

Но сейчас к Семёрке примыкают страны, для которых подобные исторические особенности не были характерны.

Я уже упоминал, что современная Германия по характеристикам довольно близка к Семёрке.

И конечно, нужно рассматривать взаимодействие разных стран.

Я пытался где-то это делать, здесь я на этом не останавливался. Безусловно, это важная задача.

Ещё раз спасибо за комментарии.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Прошу Вас, Абдусалам Абдулкеримович.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

У меня будет короткое слово.

Здесь уже высказывали высокие оценки докладу. Даже было определение, что это выдающийся доклад. Я хочу поддержать, это действительно выдающийся доклад.

И содоклады своими комментариями как раз, мне кажется, помогли высветить основную идею этого доклада. И своими полемическими замечаниями, мне кажется, в этом смысле помогли нам глубже понять основную идею.

Её я понял довольно просто. Может быть, не совсем точно, но элементарно. Что экономика, рассмотренная в её эволюции на большом историческом расстоянии, движется от свободной конкуренции к сотрудничеству.

От свободной конкуренции, которая ориентирована на выгоду конкурирующих собственников, она ориентирована на сотрудничество.

Это не просто следствие роста, развития самого человека, каких-то культурных процессов.

А это именно объективная тенденция развития экономики.

Экономика, если действительно в этом состоит тенденция, конечно, формирует соответствующие отношения между людьми, даёт свои соответствующие решения – в культуре, формах, поведении коллективном и другом.

Но ведь важно то, насколько я понимаю, что всё-таки экономика – это объективное явление. Такое же объективное, как природные процессы.

Это развитие, конечно, при всех обратных процессах, которые испытывает экономическое развитие, не зависит от этих влияний, от людей и так далее.

Если действительно развитие такое, как это обосновывает академик Полтерович В.М., а это он обосновывает на со-

вершено конкретном языке экономическом, то это, конечно, я считаю, очень важное открытие, которое даёт стимул и возбуждает всех нас, чем бы кто ни занимался.

Кто мозгом занимается, кто демократией и так далее. Это даёт совершенно другую картину.

Единственное, мне кажется, эта теория, конечно, требует ответа вот на какой вопрос. Ведь экономика свободной конкуренции породила свою собственную политическую форму, национальные государства.

И могла развиваться, и развилась только в этих рамках, где вместо сословных перегородок, вместо феодальных поместий образовали единый национальный рынок.

Само общество приобрело другую форму.

Но если так существенно меняется экономика, а она, хотим мы, не хотим, конечно, не всё исчерпывает, однако, тем не менее, является фундаментом, базисом человеческого существования, нашего общества, и если она так существенно изменилась, то возникает вопрос: какова же будет та форма, которая была бы ей адекватна?

Где, в какой политике она получит адекватное выражение?

Это, мне кажется, основной, ключевой вопрос.

И он здесь возник в своеобразной форме, когда было сказано уточнение, которое делает сам Виктор Меерович, о том, что важно не то, что это роль государства, а то, в чем состоит эта роль государства.

Какова эта роль государства применительно к экономике?

Является ли это формой организации экономики?

Или это именно просто властная структура, машина, которая всем управляет?

Короче говоря, мне кажется, что та теория, которая была здесь предложена, если она получит более ясно сформулированное представление о политической надстройке, если гово-

речь традиционным марксистским языком, которая соответствует и выражает эту экономику, эту новую тенденцию, эту новую реальность, тогда, конечно, и многие недоумения, пока что препятствующие тому, чтобы воспринять такой взгляд, снимутся.

Так что огромное спасибо и Виктору Мееровичу, и обоим содокладчикам за такой интересный разговор, очень важный, который они нам подарили, – и академический, и в то же время социально заострённый.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо.

Сегодня мы выслушали, безусловно, глобальный и обстоятельный доклад.

Обсуждение также прошло на высочайшем уровне.

Позвольте несколько слов в заключение.

Я начал сегодняшнее заседание с изложения своей позиции и завершу примерно тем же.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что считаю здоровую, открытую, иначе говоря, цивилизованную конкуренцию важнейшим фактором развития во всех сферах жизнедеятельности человека,

В экономике конкуренция является, по моему представлению, главным фактором, обеспечивающим высокое качество и низкую цену предлагаемых рынку товаров и услуг.

Хочу ещё раз повторить, что не вижу оснований для противопоставления коллаборации конкуренции.

Я вижу взаимное дополнение этих двух заложенных в природе человека факторов.

Правильные для достижения нужного результата пропорции коллаборации и конкуренции определяются каждым индивидуумом самостоятельно, исходя из личной мотивации в конкретной ситуации.

Конечно, и стремление конкурировать, и стремление сотрудничать, взаимодействовать, как сказал сейчас Абдусалам Абдулкеримович, – это фундамент человеческих отношений в обществе.

Но давайте признаемся, что, если бы нам было выгодно и было бы возможно всех переиграть и победить, мы бы не шли на коллаборацию.

Конечно, чаще всего бывает выгодно и (в какой-то пропорции) необходимо идти на коллаборацию.

В том числе иной раз и из морально-этических соображений, когда просто не желаешь скатываться к «каннибализму», потому что не хочешь потом мучиться угрызениями совести, если таковая есть.

Это более характерно для цивилизованных стран.

В менее цивилизованных обществах, наоборот, если «у соседа сдохла корова» или если есть возможность демонстративно на глазах у изголодавшейся публики «ложками есть чёрную икру», то это доставляет «элите» такого общества особое блаженство, а не угрызения совести.

Но вернёмся к цивилизованному обществу, в котором конкуренция и коллаборация ориентированы на получение конечного позитивного, а не разрушительного результата.

В таком обществе правильная их пропорция мотивирует развитие не только в экономике, не только в политике, но и в культурной, в научной и в бытовой сферах.

Я, признаюсь, не занимался целенаправленно теоретическими исследованиями в этой сфере и поэтому вроде бы не должен оппонировать нашему глубокоуважаемому Виктору Мееровичу, который этим занимается столь фундаментально.

Но я рискнул поделиться своими соображениями, а «на десерт» хотел бы разбавить столь сложную тему некоторыми лирическими отступлениями.

Позволю себе с академического уровня спуститься на уровень примера из своего детства и юности.

Я почувствовал прелесть и оценил значимость конкуренции ещё в начальной школе, когда неразделённая

любовь к моей однокласснице в 3–4-м классе заставила меня задуматься над тем, как мне её «завоевать».

Это заставило меня сильно над собой поработать и в вопросах учёбы, и в вопросах выработки характера и своего поведения, чтобы как-то о себе заявить и поднять собственную значимость.

Хочу напомнить, что я тогда не был академиком РАН и президентом АРБ!

У меня был конкурент (я тогда думал, что к сожалению, но потом понял, что к счастью) в лице моего одноклассника.

Я должен был быть лучше, умнее и сильнее него.

Но как?

Я был младше на год и уступал ему по физическим и внешним данным!

Он был из хорошей семьи с высоким статусом и достатком.

Был остроумен, хорош собой, быстро соображал, хорошо одевался.

Учителя его любили.

А я разве только в математике и в физике как-то отличался некоторыми успехами.

В общем, жизнь поставила перед ребёнком задачу – победить в конкурентной борьбе.

Забегая вперёд, сразу скажу, удовлетворяя любопытство, что объект любви не оценила нашу состязательную борьбу и вышла замуж за третьего нашего одноклассника, который в конкуренции не принимал участия.

Это было уже потом, много позже, после окончания школы.

Но моя личная история с формированием характера по причине неразделённой влюблённости затянулась с 3-го класса на многие годы до окончания школы.

И неразделённая любовь послужила для меня важнейшим стимулом, чтобы поехать в Москву и поступить на физический факультет МГУ.

Если бы я был больше склонен к коллаборации и не был движим юношеским стремлением выиграть «конкурентную борьбу» и доказать свою «эксклюзивность», вряд ли мне удалось бы в 16 лет стать студентом самого престижного вуза страны.

Ещё несколько соображений всерьёз.

Естественно, у каждого понятия, у каждого фактора есть какие-то крайние формы.

И здесь говорилось о коллаборационности как о некоем негативном понятии.

Виктор Меерович сразу оговорил, что коллаборационизм, к примеру, в сотрудничестве с Гитлером и вообще в негативном плане – это совсем другая тема.

Но мне кажется, это не другая тема, это другой оттенок того же понятия.

Равно как и конкуренция тоже имеет множество негативных оттенков, множество очень грубых, отвратительных проявлений.

Мы понимаем, что в обоих понятиях заложена мощнейшая энергетика как для развития, так и для разрушения.

Та же логика в вопросе: конкуренция отрицательно влияет на мораль или положительно?

Она может влиять и в ту и в другую сторону.

В том числе когда ты пережил, допустим, неоднократные поражения в конкурентной борьбе.

Но выводы каждый делает свои.

Кто-то будет аккуратнее и внимательнее относиться к интересам и к чувствам других, чтобы не травмировать и не унижить.

Кто-то, наоборот, озлобившись, постарается отыграться на более слабых.

Это очень субъективно и в значительной степени зависит от морально-этических характеристик каждой личности.

Но в какой-то степени зависит и от того, что культивируется в данном обществе!

Если в обществе считается нормой, что, раз со мной поступили несправедливо, я тоже могу применять непозволенные методы, то такое общество будет деградировать.

И здесь роль государства и роль общества в том, чтобы обеспечить условия, при которых будут развиваться положительные качества того, что заложено в человеке, того, что заложено в обществе.

Не думаю, что кто-то будет сильно возражать, что любой социальный организм – это такой же живой организм со своей спецификой. И в нем заложены соответствующие позитивные и негативные факторы, которые можно культивировать и развивать в одну или другую сторону.

И это в значительной степени зависит от того, какие установки заданы на государственном уровне, на общественном, на уровне культуры. Кстати, и на уровне науки, направляющей эти процессы, анализирующей эти процессы.

Поэтому, чтобы не уходить совсем далеко, я предложил бы в ближайшее время обсудить ещё одну тему – проблему коллаборации и конкуренции в политической сфере.

Она имеет свою специфику. Точно так же, как и соотношение коллаборации и конкуренции в сегментах культуры или науки.

Если кто-то возьмёт на себя такую смелость, в частности, Георгий Александрович – говорил как раз больше о политической составляющей – если захочет взять тему, то, я полагаю, мы с удовольствием послушаем его на одном из наших заседаний.

Потому что объём проблем, который Виктор Меерович поднял, огромный. И коллеги очень здорово дополнили, придав проблеме ещё больший вес и значимость.

Огромное спасибо за это.

Виктор Меерович, Вам огромная признательность.

И всем коллегам, кто принял участие в такой глубокой содержательной дискуссии.

Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество

**Материалы совместного заседания НКС ООН РАН
и НИИ ДДиП 21 января 2023 года**

Выпуск № 16

Электронную версию Сборника
и презентации докладчиков можно скачать по QR-коду

Подписано в печать 19.06.2023

Формат 60x90/16

Цифровая печать

Тираж 700 экз. Заказ № 64

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Целью института является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Этот институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.